

Раздел 1

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ СОВРЕМЕННЫХ ФИЛОСОФСКО- КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

С. В. Воробьева, А. А. Легчилин

ЛОГИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КРОССКУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОЦИАЛЬНО- ГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ

Методологический статус кросскультурных исследований в социально-гуманитарном познании не определен. Это означает, что вопрос экспликации основных стратегий кросскультурных исследований остается открытым. Следовательно, нерешенными остаются вопросы терминологии, инструментального и функционального значения, определения места в науке, а также обусловленные ими проблемы более высокого порядка: каковы формы и пределы воздействия метода на предмет исследования, каковы сценарии методологического использования. Решение этих и других вопросов прямо или косвенно связаны с логико-методологическими основаниями любого научного исследования, включая кросскультурное. Поэтому основной нашей целью является реконструкция логико-методологических оснований кросскультурного исследования и объяснение его специфики в социально-гуманитарном знании.

Ключевыми являются задачи, необходимые для обоснования конструктивности кросскультурного подхода, установления его истоков, обоснования его новизны и связей с другими методологическими парадигмами, в частности, квантовой, фрактальной и когнитивной логиками. Данная эвристика должна подтвердить неизбежность кросскультурной методологии, а также раскрыть ее перспективы в социально-гуманитарном познании.

1. Кросскультурные исследования: метафора или конструктивный подход. Разработка логико-методологических оснований любого научного подхода, включая кросскультурный, предполагает обоснование его конструктивных возможностей. Для этого следует разграничить, с одной стороны, метафорический подход к кросскультурному уровню рассуждений, который представляет собой концептуальную идею, и, с другой, – методологический подход к вопросу о реальном применении кросскультурных методов исследования в социальных науках, гарантированный наличием аналитического аппарата.

Представления о кросскультурных исследованиях в контексте метафорического подхода уже сложились. Это представления о кросскультурных исследованиях как о концептуальной схеме. Она признается и не оспаривается. Но наличие концептуальной схемы не означает наличие инвариантной модели познания. Поэтому следует признать, что аналитический аппарат кросскультурных исследований не разработан. Отсутствуют четкие дефиниции, строгость в терминах и инструментарии.

Но любая методология является следствием инвариантности ее использования в научных исследованиях. Кросскультурный подход в социально-гуманитарных исследованиях реализован, и довольно успешно. Данный метод активно разрабатывается в области компаративистики (П.-Т. Раджу и др.), антропологии и культурной психологии (М. Коул, Г. Гардинер, Д. Мацумото, Б. Шнайдерман и др.), ментального и когнитивного моделирования (Г. Хофстеде, С. Холл, Дж. Гриндер и др.), культурной лингвистики (Э. Холл и др.), теории аргументации (С. Тулмин, Х. Перельман и др.), кросскультурного менеджмента (Н. Холден и др.). Поэтому важным для последующего обсуждения являются представленные в кросскультурных исследованиях идеи и способы их продвижения, которые демонстрируют конкретные методологические схемы, связанные, например, с определением объекта и предмета исследования.

Согласно П.-Т. Раджу, предметом компаративистики в философии является сравнительное исследование понятийного аппарата, типов менталитета, моделей рациональности в различных философских культурах и направлениях. Компаративистский подход в философии является частью сравнительно-исторического познания [14, с. 13]. При этом сравнительно-исторические исследования считают компаративными. Это означает, что они тождественны. Поэтому любые сравнительные исследования, включая сравнительно-исторические, можно считать кросскультурными, так как они невозможны без учета культурных переменных.

Компаративистика сочетается с феноменологическим, психологическим и социологическим подходами. Инструментальный базис компаративистики составляют «аналоги и параллели, диалог и полилог» [14, с. 52].

Это значит, что компаративные способы познания и их инструментальное обеспечение являются междисциплинарными. Коммуникативная специфика объекта и предмета компаративистики определяется контактом или встречей дефиниций, идей, концепций и пр.

Предметом кросскультурного исследования в антропологии и культурной психологии являются этнокультуральные аспекты в поведении человека, социальной группы, этноса. Г. Гардинер, раскрывая специфику кросскультурной модели познания, пишет: «Кросскультурное изучение развития человека сосредоточено на чертах культурного сходства и различия в процессе развития и на его результате, выраженном в поведении индивидов и групп. <...> Именно сегодня, более чем когда-либо, существует настоятельная потребность в осознании и оценке роли культурного многообразия в развитии человека. <...> Развитие человека может пониматься как изменения в физическом, психологическом и социальном поведении, имеющие место на протяжении всей жизни индивида» [7, с. 175]. Б. Шнайдерман, подчеркивая неустранимость различий в культуре, отмечает: «Тот, кто стремится стереть культурные различия и создать общество, в котором не существует чужеродности, идет к отчуждению. Моральное отрицание чужеродности – это расизм, в этом нельзя сомневаться» [37, с. 14].

Исследовательские проекты в области ментального и когнитивного моделирования делают акцент на культурологическом контексте процесса формирования сознания и когнитивных способностей человека. «Весь окружающий нас мир связан с набором понятий, или ментальных представлений. Важно то, что эти понятия не являются случайным и беспорядочным набором, а представляют собой упорядоченную, определенным образом классифицированную систему отношений, или концептуальную карту». Похожестью концептуальных карт друг на друга объясняется сходство интерпретаций. Это и означает, согласно С. Холлу, «принадлежность к одной культуре» [44, с. 14].

Благодаря концепциям культурной лингвистики Э. Холла, ментальных программ Г. Хофстеде, операциональных параметров культуры Ф. Клухон и Ф. Шродбека был осуществлен поворот от изучения коммуникативных неудач и их последствий к системному исследованию межкультурных различий, обуславливающих эффективность коммуникации. Например, по мнению Э. Холла, колумбиец или мексиканец могут решить, что разговаривающий с ними американец держится отчужденно и холодно только потому, что он не любит, чтобы до него дотрагивались, и отступает назад тогда, когда колумбиец или мексиканец считают, что они подошли достаточно близко, чтобы заговорить. Для американца удобное расстояние при разговоре составляет приблизительно 75 сантиметров [22, с. 29–37].

С. Тулмин и Х. Перельман, осуществляя ревизию теории аргументации, отмечали независимо друг от друга, что различные языки олицетворяют глубокие различия культур, поэтому они способны выражать одни и те же факты с помощью разных вербальных средств. Под влиянием концепции лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа они привили теории аргументации идею культурной обусловленности способов языкового общения. Формы аргументации являются не только логическими, но и коммуникативными. Это означает, что оценками правильности языковых аргументов являются не только логические критерии, но и критерии культурной приемлемости [5; 6; 20].

Теории кросскультурного менеджмента, появившиеся в начале 60-х гг. XX в., стали реакцией на стремление управлять культурными различиями и преодолевать «культурный шок». Это стало началом объединения экономического и кибернетического подходов к проблеме управления, с одной стороны, и теорий ментального и когнитивного моделирования, культурной лингвистики, аргументации и прочих – с другой.

В настоящее время в рамках кросскультурного менеджмента раскрывается роль культурных факторов в двух плоскостях – в рамках отдельной организации и в интернациональном бизнесе. Культура рассматривается как организационный ресурс и как контекст бихевиоральных механизмов. Например, в рамках методологии кросскультурного менеджмента, разработанной профессором сравнительного и международного менеджмента Н. Холденом, культура рассматривается как объект когнитивного менеджмента и как важнейший организационно-поведенческий ресурс. При таком подходе культурное многообразие больше не считается источником различий, а обосновывается как неисчерпаемый и часто остающийся невостребованным ресурсный источник. Н. Холден, таким образом, дополнил точку зрения, согласно которой культурная поливалентность обуславливает «культурный шок» и помехи в общении, знание которых позволяет добиться успеха в международном бизнесе. Согласно Н. Холдену, кросскультурный менеджмент становится когнитивным менеджментом, или менеджментом знаний [36].

Ключевой задачей кросскультурного менеджмента как когнитивной модели является мультикультуральная деятельность. Практики управления, реализуемые многими успешными корпорациями, свидетельствуют о присутствии им общих черт. В частности, им свойственно поддержание синергизма в работе и в обучении с целью включения знаний и опыта в мультикультуральную деятельность. «Кросскультурный менеджмент, – утверждает Н. Холден, – это менеджмент многих культур как внутри организации, так и в ее внешних связях» [36, с. 312].

К слову, когнитивный менеджмент, на наш взгляд, пока еще не стал «общим местом» в экономических и финансовых отношениях в Республике Беларусь. Но об экономике знаний рассуждают много. Успешная организация, по мнению Н. Холдена, способна постоянно творить новое знание. Нынешняя модель коммуникации в большинстве отечественных организаций – «начальник – подчиненный» – вряд ли этому способствует.

Многочисленные кросскультурные исследования свидетельствуют о том, что их методология вполне соответствует требованиям конструктивной логики. Конструктивность как свойство методологии означает наличие, по меньшей мере, аксиоматики кросскультурного исследования. Аксиоматика включает базисные термины, принципы оперирования ими при построении формальных моделей и правила интерпретации формальных моделей, придающих им статус моделей объяснительного типа. Интерпретация – это вопросы онтологии и гносеологии.

Считается, что достоинства и недостатки любой методологии связаны, как правило, с формулировками онтологических и гносеологических оснований, но при этом не учитывается их зависимость от решения логико-методологических проблем. Например, критики философской компаративистики (общепризнанные центры компаративистских исследований – Университет Маноя на Гавайях, США; Делийский университет) отмечают неясность философского инструментария, отсутствие критериев для отбора персоналий и учений, включаемых в отношения сравнения (сопоставления).

Онтология и гносеология кросскультурного исследования предполагает определение объекта как фрагмента реальности и предмета как номологической структуры этой реальности. Онтологию и гносеологию кросскультурного исследования в банальной формулировке ограничим тремя вопросами: «Что сравниваем? Как сравниваем? Кто сравнивает?»

Объектом кросскультурного исследования является человек в непосредственном контексте его существования. Контекст существования – это культура и язык. Человек является продуктом культуры и существует на пересечении культур. Поэтому необходимым признаком объекта исследования становится учет факторов среды, которая формирует человека. Среда именуется по-разному: как социальное или коммуникативное взаимодействие, как социальная экология, как национальная культура, как языковая онтология, как повседневная аргументация и пр.

Предметом кросскультурного исследования являются феномены или структуры, которые познаются в определенном отношении (соотнесении), позволяющем зафиксировать специфику посредством установления различий и различия – посредством установления специфики. Феномены или структуры являются одновременно схожими (постоянными) и различны-

ми (изменчивыми), в зависимости от отношений, в которых они участвуют. Постоянные признаки или величины интерпретируются как общие (типические), переменные – как индивидуальные.

Переменные признаки могут быть зависимыми или независимыми от культурного контекста. Зависимость или независимость переменной определяются отношениями, в которые они включены. Например, в известном анекдоте о том, как собрались главы США, Франции и России поужинать по случаю встречи используемые имена оказываются зависимыми от культурного контекста, т. е. их предметное и смысловое значения раскрываются только в определенном отношении. Президент Франции отправился в магазин за колбасой. Колбасу он не купил, объяснив это тем, что за ней была большая очередь. «Что такое колбаса?» – спросил президент России. «Что такое очередь?» – спросил президент США. Представители разных культурных контекстов демонстрируют лингвистически культурную зависимость, так как смысловые и предметные значения имен «колбаса» и «очередь» являются не постоянными, а переменными.

Реконструкция и определение объекта и предмета кросскультурного исследования связаны с определением отношения как контекста. Под отношением в логике понимается функтор, устанавливающий связь между постоянными и переменными величинами либо предметными или смысловыми значениями. Наличие переменных величин придает отношению статус функции. Функция как формальная структура принимает значение после подстановки аргументов из заданной области – области подстановки.

Термин «отношение» в логической семантике и модальной логике рассматривается по меньшей мере в четырех значениях. Во-первых, он обозначает логическое включение (отнесенность) элемента к определенному классу (множеству). Например: «Демосфен – древнегреческий оратор». Во-вторых, этот термин обозначает многоместный предикат, выражающий статическую характеристику различия и тождества явлений. Например: «Оратор Цицерон лучше оратора Демосфена, но хуже оратора Иоанна Златоуста». В-третьих – выражает оценку. Например: «Оратор Цицерон почитал теоретика риторики и логики Аристотеля». В-четвертых – обозначает взаимодействие между явлениями, которое включает как единство связи, так и изолированность. Например: «На политического оратора Цицерона огромное влияние оказали сочинения Аристотеля».

Ж. Делез и Ф. Гваттари для определения специфики предмета философии раскрывают ее отношение к иному – к мудрости. Они рассуждают: «Именно греки окончательно зафиксировали смерть Мудреца и заменили его философами, друзьями мудрости, которые ищут ее, но формально ею не обладают. Однако между философом и мудрецом различие не просто в степени, словно по некоторой шкале: скорее дело в том, что древний вос-

точный мудрец мыслил Фигурами, философ же изобрел Концепты и начал мыслить ими» [13, с. 10]. Вопрос различия фигурального и концептуального мышления – вопрос кросскультурной методологии.

Не любое отношение выражает причинно-следственную связь, которую следует отличать от других типов связей: генетических, пространственных, временных и статистических (корреляционных). Генетическими называются связи по происхождению (родители и дети). Пространственные связи означают сосуществование объектов по принципу взаимодействия (геополитическое соседство) и пр. Временные связи означают сосуществование объектов по принципу смены (пора года или семестр) и пр. Статистические (корреляционные) означают частоту повторяемости событий (успеваемость студенческой группы в семестре).

Отношения, которые становятся предметом кросскультурного исследования, включают множество пересекающихся связей, детерминирующих характеристики и свойства самого предмета. Поэтому предмет кросскультурного исследования представляет собой функцию множества отношений и связей. При определении предмета исследования важно зафиксировать, в каком отношении он изучается. Это предполагает установление «определенного интервала абстракции» как проекции новой концептуальной сущности [24, с. 191], что означает составление конечного набора элементов и отношений (составление выборки).

Логика отношений включает инварианты отношений рода и вида (общего и частного) и инварианты отношений целого и части. Инварианты отношений рода и вида составляют основу классической логики (логики общего). Ее индикатором выступает теоретико-множественный предикат «быть элементом». Инварианты отношений целого и части лежат в основе мериологической логики (логики целого), которая, по мнению С. Лесьневского, способствует выявлению универсальных закономерностей в пределах «целое – часть» (организм и орган, личность и ее переживания, организация и ее члены и т. п.). При мериологическом подходе предикат «быть элементом» заменяется предикатом «быть частью» [17, гл. 8]. Критериями разграничения логики общего и логики целого являются принципы абстрагирования – генеративный (образование частного из общего) и холистический (образование части из целого), а также способы обусловливания – принцип дедукции в первом случае и принцип соответствия (когерентности, консонанса и пр.) во втором.

Отношение как взаимодействие функционально. Это означает, что отношение представляет собой зависимость, в которой участвуют несколько переменных, т. е. существуют бинарные и n-арные отношения. Само отношение является постоянной величиной. Отношение как функция является формализованной схемой, которая отображает связь между собы-

тиями, возникающую при определенных факторах – аргументах функции. Аргументами функции являются значения из заданной интерпретацией области, которые подставляются вместо переменных.

Многообразие мира представляет собой бесконечное множество объектов, которые в одних отношениях постоянны, в других – переменны. Например, с точки зрения логики, если процесс рассуждения исследовать независимо от языка и культуры, то он включает логические постоянные: высказывания, имена и функторы. Если учитывать эту зависимость, то процесс рассуждения включает функторы как логические постоянные, фиксирующие различные отношения между логическими переменными – именами и высказываниями. Логические переменные, допустим, в теории аргументации, являются специфическими, так как зависимы от языка и культуры. Но вне культурного контекста в логике общего причина является независимой переменной, следствие – зависимой.

Переменная в логике рассматривается как неопределенный денотат из заданной сферы значений или переменная величина как дифференциальная индексация неопределенного денотата. Дифференциальная индексация неопределенного денотата имеет место в нечетких ситуациях, для которых характерны, как правило, n-арные отношения. У любого человека есть определенные предпочтения в способах переработки конфликтов. Опыт этот функционально зависим от той культуры, в которой формировалась идентичность человека. Кросскультурное исследование данных зависимостей привело к достаточно весомым результатам. Иллюстрацией может выступать схема приоритетных отношений человека, которая включает четыре области: ощущения/тело; деятельность/работа; контакты/общение; воображение/будущее. Именно в соответствии с одной из них человек стремится переработать конфликт [26].

Определение постоянных и переменных факторов отношения и их обоснование в кросскультурном исследовании находятся также в функциональной зависимости от наблюдателя. Например, собака Бетховен является элементом экосистемы, элементом культуры или остается сама собой, устанавливает исследователь. Он же решает, каким образом противоречивые требования природы и культуры порождают расщепление личности. Поэтому кросскультурное исследование несвободно от логических ошибок обусловливания. Отсутствие зависимости между двумя событиями приводит к ложному или недостаточному обусловливанию, порождающему иногда комический эффект. Это можно иллюстрировать недостаточной связью между двумя событиями: «Чтобы мало зарабатывать, нужно много учиться», «В ресторанах и ночных клубах упали доходы. Сессия».

Таким образом, характерное отличие кросскультурного подхода – поиск и обоснование постоянных (устойчивых) структур в многообразном

и изменчивом мире. Постоянные структуры, интерпретируемые как отношения, включают переменные, интерес к которым обусловлен их зависимостью от факторов культуры. Кросскультурные сравнения антропоморфны и антропологичны. Отсюда вытекает проблема разграничения общепринятой реальности и реальности, порождаемой личностью. Наблюдатель как «кроссированный субъект» (Ж. Лакан) всегда привносит в исследование личное. Поэтому глоссарий методологии кросскультурного исследования должен включать по меньшей мере термины «сравнение», «тождество», «сходство», «различие», «отношение», «изменение», «наблюдатель» и др. Они связаны между собой структурно и концептуально. Структурно-концептуальная связь терминов является необходимым условием разработки категориального аппарата кросскультурной аналитики, ключевым в которой, по нашему убеждению, является стратегия сравнения.

2. Стратегия сравнения как условие кросскультурной методологии. Сравнение – ключевой методологический концепт, который не является тривиальным, как это может показаться при первом приближении. Именно стратегия сравнения лежит в основе кросскультурного подхода в исследовании. Это означает, что разработка кросскультурной методологии связана с поиском средств, которые позволяют путем сопоставления выявлять и обосновывать закономерности, содержащие зависимые от контекста переменные.

Кросскультурные аспекты сравнения особенно явно обнаруживаются при сопоставлении его с эволюционистским подходом в научном познании. Эволюционистский взгляд предусматривает доминирование вертикальной динамики, чем и обусловлен его монизм. Отказ от идеи эволюционизма как единственно приемлемой линии в развитии, когда разные состояния интерпретируются как стадии одного процесса, означал поворот от эволюционистской модели объяснения к моделям коммуникативного типа. Объяснительные модели коммуникативного типа предполагают сравнительные исследования, осуществляемые в сегментах «между» (межкультуральные исследования), «транс» (транскультуральные исследования) или «кросс» (кросскультурные исследования).

Сравнение как способ преодоления эволюционизма лежит в основе компаративного (сравнительного) метода исследования. Компаративный метод предполагает сопоставление каких-либо объектов, установление сходств и различий и на их основе объяснение специфики чего-либо или подтверждения какой-либо гипотезы. Именно благодаря доминированию компаративного метода появились такие дисциплины, как компаративистская философия, сравнительная (сопоставительная) лингвистика, сравнительная риторика, сравнительная педагогика, сравнительная психология и другие, в рамках которых разрабатываются частные методологии кросс-

скультурных исследований. Основу кросскультурного подхода в них составляют методики оценки сходств и различий исследуемых объектов. Если реализовать кросскультурный подход к указанным дисциплинам, то можно констатировать наличие у них базисного сходства, которое заключается в наличии однотипного формально-логического подхода.

Констатация наличия однотипного формально-логического подхода является нетривиальным выводом для методологии кросскультурного анализа. Данная методология, как и другие научные методологии, оказывается несвободной от логики. Базисной логической процедурой является операция сравнения или сопоставления. Например, Ф. И. Щербатской, анализируя буддийскую логику, указывает, что оценка роли того или иного философа невозможна без сравнения. Но он предостерегает от «поспешных и вводящих в заблуждение сопоставлений» [39, с. 250–251]. Отмечает также, что, выявляя сходства между Нагарджуной и Ведантами, Нагарджуной и Зеноном Элейским, при определении Нагарджуны как «нигилиста, рационалиста, пантеиста или реалиста уже подразумеваются какие-то сравнения» [39, с. 251].

О. Шпенглер, исследуя логику исторического мышления, констатирует: «Техника сравнений нам все еще не доступна <...>. Еще никто не подумал о том, чтобы выработать здесь метод. <...> Сравнения могли бы быть благом для исторического мышления, т. к. они обнаруживают органическую структуру истории. Их техника должна была бы оттачиваться под воздействием некой всеобъемлющей идеи и, стало быть, до не допускающей выбора необходимости, до логического мастерства» [38, с. 455–456].

Сравнение позволяет не только уточнить сущность исследуемого объекта, но и строить объясняющие или подтверждающие их модели. Например, Плутарх, сопоставляя Демосфена и Цицерона, раскрывает их характеры, стили мышления, их вклад в развитие ораторского искусства. Г. В. Лейбниц сравнивает взгляды европейских и восточных мыслителей, взгляды философов Нового времени со своими предшественниками, а также сопоставляет свои взгляды со взглядами современников. Сопоставление осуществляется в форме полемики, доходящей до конфронтации, что позволяет предположить о стремлении Г. В. Лейбница объяснить специфику философской аргументации, обосновав различия. Г. В. Гегель в «Философии религии» сопоставляет Кришну и Христа. Ф. Шеллинг сопоставляет индийскую, египетскую и греческую мифологии и устанавливает сходство между ними. А. Шопенгауэр указывает на сходства между своими философскими идеями и идеями брахманизма и буддизма.

Э. Левинас не считал нелепым сравнение хасидизма и психоанализа. Напротив, подобное сопоставление позволило ему разграничить концептуальные поля хасидизма и его собственную теорию становления личности,

в которой нет места для признания формирующей роли бессознательного. Дистанцируясь от хасидизма, он выявляет его психоаналитические атрибуты: сон как фрактальная проекция скрытых от человека сокровенных желаний и стремлений; грех как индикатор тайных стремлений души и как выражение подлинных наклонностей человека, свидетельствующих о его внутреннем несовершенстве. Преодоление желаний, ограничивающих свободу человека и противоречащих воле Творца, Э. Левинас отождествляет с формированием способности человека удержаться в отведенных ему пределах, что предотвращает его вторжение на чужую территорию и оберегает от нанесения вреда окружающим [40, с. 41].

Логика сравнения универсальна. Культурно-специфическим является лишь содержание, или эмпирический материал. Отсюда следует нетривиальный для методологии кросскультурного исследования вопрос: «Каким образом осуществляется сравнение?» Ответ в форме тавтологии – сравнивать можно только сравнимые вещи – выражает сущность кросскультурной методологии. Кроссисследовательская процедура – это всегда сравнение. Кросскультурная схема – это модель, устанавливающая совместимые и несовместимые признаки сравнимых выборок. Очевидной становится нетривиальность термина «сравнимость».

Сравнение предполагает выявление точек сходства и различия либо точек различия и сходства. Для концептуально-методологической точности и порядка обратимся к классической логике, в рамках которой четко определены семантические границы сравнения базовых категорий, используемых в любой методологии, – имен и высказываний. Сравнимыми называются имена, в содержании которых имеются общие признаки. Но наличие общих признаков у двух объектов еще не означает совпадение их денотатов, или референтов. Например, «математика» и «логика» имеют общий признак – они являются науками, которые невозможно соотносить с бытием. На основании того, что математики и логики нет в природе, можно утверждать, что они сравнимы. Но они несовместимы – каждая из данных сфер научного знания имеет свой объект и предмет исследования, свой язык. Сравнимость, но несовместимость данных наук делает возможным кросскультурное исследование, допустим, прослеживание их совместной истории. Генезис проблем – это в первую очередь выявление общего как универсального и индивидуального как специфического.

Границы установления общего и индивидуального определяются наличием различий и сходств как основных факторов дифференциации и интеграции. Условием формирования универсальности значений, в том числе социально-гуманитарной терминологии, является дифференциация имен. Дифференциация связана с установлением различий между двумя

или более именами, обозначающими сравниваемые объекты. Формированию уникальности значения противостоит тенденция к интеграции, означающая поиск сходств. Поиск сходств – это концептуализация, обеспечивающая связь нового термина с имеющимся знанием. Концептуализация, создавая опору в исследовании за счет поиска известных признаков, дополняет дифференциацию, эксплуатирующую различия.

Формирование универсальности значений связано с оппозицией однородности (гомогенности) или неоднородности эмпирического материала, которые определяются, соответственно, отсутствием или наличием существенных различий. Отсутствие существенных различий, подтверждающее однородность материала, может стать основанием для формирования специфического значения. Э. Фромм, оправдывая термин «социальный характер», указывает, что «при изучении психологических реакций социальной группы <...> нас интересуют не те особенности, которыми эти лица отличаются друг от друга, а та часть структур их характеров, которая является общей для большинства членов группы». Он «менее специфичен, чем индивидуальный характер», так как «содержит лишь выборку черт», сложившихся «в результате основного опыта и способа жизни, общего для этой группы» [33, с. 48].

Выявление общего как универсального позволяет установить пределы типического, на основании чего возможно построение моделей исследования. Индивидуальное как специфическое определяет отличия (дистинкции) объекта от других сопоставимых с ним объектов. Отличия составляют тот минимальный набор признаков, по которым возможно распознавание объекта. Например, О. Шпенглер обосновал факт об ограниченности феноменов истории. «Сознание того, что число всемирно-исторических явлений ограничено, что века, эпохи, обстоятельства, личности повторяются по типу, всегда присутствовало. Едва ли когда-либо обсуждали поведение Наполеона, не касаясь при этом Цезаря и Александра, причем первое сопоставление, как мы увидим, было морфологически недопустимым, а второе – правильным. Сам Наполеон находил родственным свое положение с положением Карла Великого <...>. Сравнивали далеко не всегда правомерно Флоренцию с Афинами, Будду с Христом, первоначальное христианство с современным социализмом, римских финансовых магнатов времен Цезаря с янки» [38, с. 455–456].

Следовательно, методологический статус логического принципа сравнимости определяется его содержанием: установить пределы типического в исследуемом объекте, что обеспечивает его сопоставимость с другими объектами, и зафиксировать, таким образом, семантические границы его индивидуальности. В частности, кросскультурный срез диалогового общения предполагает выявление и обоснование его устойчивых характеристик.

В качестве аргумента сделаем отсылку к концепции К. Роджерса. К таким характеристикам он относит направленность на понимание и принятие собеседника; интерес к собеседнику; культуру самопрезентации; умение устанавливать обратную связь с собеседником; создание комфорта в ходе диалога; установление эмпатийных отношений [29].

Примем концепцию К. Роджерса в качестве универсальной модели, задающей относительно устойчивые границы объекта (типа). В этом случае все отклонения от данной модели можно интерпретировать, допустим, как «сбой» в коммуникации. Какие преимущества предоставляет модель? Она задает ориентиры онтологии (бытия), гносеологии (познания) и коммуникации. Следовательно, только наличие модели как методологического стандарта позволит зафиксировать отклонения. Вопрос отклонений – это вопрос не общего (типического), а специфического (индивидуального).

В ситуации с феноменом социального характера Э. Фромм подтверждает, что «всегда будут “отклоняющиеся” индивиды с совершенно иной структурой характера. <...> Если мы хотим наиболее полно понять отдельного индивида, эти различающиеся элементы имеют важнейшее значение. Однако если мы хотим понять, как энергия человека распределяется и действует в качестве продуктивной силы в данном социальном устройстве, тогда нас главным образом должен интересовать социальный характер» [33, с. 48].

Эффективность процедуры сравнения определяется гипотезой. Объяснение сходства или различия связано с построением гипотезы. Это важно в двух направлениях: как при организации исследования, так и при знакомстве с чужим исследованием. Например, Ф. Ницше в работе «По ту сторону добра и зла» рассуждает об «удивительном фамильном сходстве всего индийского, греческого, германского философствования», объясняя данное сходство «общей философией грамматики». Сравнивая свои взгляды со взглядами древних мыслителей, Ф. Ницше называет римлян своими учителями. Греческую философию он характеризует как упадок греческого интеллекта. Критически относится к диалогам Платона. Можно предположить, что Ф. Ницше в своей работе обосновал гипотезу о зависимости способа философствования от онтологии естественного языка.

Гипотеза как методологическая категория имеет в вероятностной логике три значения. Во-первых, гипотеза – это вероятностное высказывание о некоторых связях, обуславливающих определенные явления. В этом значении под гипотезой понимается предположение, в котором устанавливается связь между двумя событиями (явлениями, свойствами и пр.), считавшимися независимыми. Во-вторых, гипотеза – это умозаключение, в котором одна или несколько посылок являются вероятностными. Речь идет о гипотетических рассуждениях, в которых с определенной степенью

вероятности подтверждаются связи между какими-либо событиями. В-третьих, гипотеза – это метод выдвижения предположений и их обоснование. В этом значении гипотеза понимается как порядок и условия формулирования вероятностных высказываний, а также способы их подтверждения.

Новые результаты в науке, включая социально-гуманитарное направление, непосредственно связаны с формулированием гипотезы и ее обоснованием. Обоснование гипотезы представляет собой описание решения некоторой проблемы. Например, ученые знаменитой «Бауманки» выявили многообещающую закономерность и сформулировали ее в виде гипотезы: между психологическими особенностями личности и папиллярными узорами на пальцах есть устойчивая связь. Правда, аргументы, подтверждающие гипотезу, в прессе не приводятся. Но предлагается описание некоторых проблем, для решения которых выдвинута гипотеза: папиллярные признаки, отображающие психофизические особенности индивида, помогут подбирать кадры для работы в экстремальных условиях.

Таким образом, сравнение – не просто сопоставление двух предметов. Сравнение – это дифференциация и интеграция признаков, позволяющих устанавливать новые семантические границы. Только установление смысловых пределов позволяет избегать бесполезной или вводящей в заблуждение информации. Для этого дифференцировать объекты следует не за счет раздувания мелких различий, как, например, в рекламе, а на основании существенных признаков.

Следовательно, сравнение – это общенаучный метод всех социальных наук, позволяющий систематизировать научные факты. По этой причине сравнение является необходимой стратегией кросскультурного исследования. Именно на основании сходств и различий возможны классификации, типологии, таксономии, позволяющие структурировать реальность и выстраивать, таким образом, тактики кросскультурного исследования. Учет сходств и различий позволяет формулировать, подтверждать или опровергать гипотезы, выражающие зависимости и закономерности.

3. Кроссированные схемы сравнения и компаративистика. Кросскультурное сравнение начинается с различия. Различия – логическая или культурная несовместимость – составляют основу кроссированных схем сравнения. Кроссированная схема сравнения – это процедура получения нового знания, основанная не на сходстве, а на различии. При этом различие выявляется и объясняется его функциональными особенностями в определенном контексте.

Различия как несовместимость составляют объект компаративного исследования. Компаративный (компаративистский) подход предусматривает в первую очередь сравнение. Это означает, что предметом исследо-

вания является не единичный или уникальный объект, существующий сам по себе, а объект, обладающий предикатом «быть с чем-то или с кем-то несовместимым». Допустим, предикат «быть противоположностью» позволяет сделать акцент на том обстоятельстве, что обладающий им объект иной, чем другой объект. Отсюда следует цель компаративного подхода – преодолеть ограниченность монистического взгляда (границы теории) и региональную или культурно-историческую замкнутость объекта, «выйти в пространство Другого» (Э. Левинас).

Содержание тезиса С. Хантингтона о зарождении универсальной цивилизации и универсальной мировой культуры будет более очевидным, если рассмотреть его в сравнении с тезисом Ф. Х. Кессиди как его противоположностью. По мнению Ф. Х. Кессиди, современная мировая цивилизация распадается на два «древа» – Запад и Восток, и каждое из них имеет свой генотип и собственную логику развития, поэтому следует утверждать не об их взаимопроникновении или интеграции, а об их взаимодействии [34, с. 74–75; 17, с. 78]. Более того, подобное сопоставление двух тезисов позволяет обосновать противоречие в концепции самого С. Хантингтона, который высказал мысль по поводу того, что мы живем в одной большой деревне, но дома расположены в разных веках, и по этой причине в ней имеется большой конфликтный потенциал.

Компаративный подход – это кроссированная схема исследования. Общую кроссированную схему исторического процесса вывел еще Г. В. Гегель: «тезис + антитезис = синтез». Каждому тезису – идее, концепции, политической или экономической системе и т. д. – противостоит антитезис. Длительный контакт между ними завершается появлением интегрированной формы. Аналогично, любой набор стратегий, состояний, намерений человека является сегодня синтезом, завтра – тезисом, которому будет противопоставлен некоторый антитезис. Их контакт даст новый тезис и т. д.

Новая информация появляется из различий, например, из расхождения мнений в дискуссии. Продуктивное сопоставление двух отличающихся друг от друга образов или идей завершается синтезом. Продуктивность зависит от качества и величины различий, которую способен заметить человек. Б. Ф. Поршнев, размышляя о том, как «в сознание индивида попадает целая общность» и каким образом возникает самосознание рода, пишет: «Представим себе две первобытные группы – родовые и племенные. Если бы они не встречались друг с другом, каждый индивид в группе “А” и не ощущал бы, что он принадлежит к какой-либо общности. Для того чтобы появилось субъективное “мы”, требовалось повстречать и обособиться с каким-то “они”» [27, с. 81].

Согласно Ж. Лакану, человек является кроссированным субъектом. Находясь перед ожиданиями Других, человек принимает тот смысл, который другие люди припишут его призывам. Покоряясь речи Другого, он принимает чуждую интерпретацию своего запроса. Следующий запрос может быть выражен в подсказанных словах (означающих). Возникающие в результате «цепочки означающих» уводят человека от его подлинных желаний, и в итоге формируются новые желания, подсказанные культурой. Таким образом, речь и способы реагирования на окружающий мир других людей становятся бессознательной частью кроссированного субъекта.

Аналогичные идеи высказал П. Рикер, но уже о генезисе глобального текста культуры. Глобальный текст культуры создается благодаря взаимному вписыванию одних историй в другие, включая человеческие [28].

Человек становится кроссированным субъектом под влиянием культуры, в рамках которой осуществляется его становление и развитие. Поэтому объектом кросскультурного исследования являются связи между культурой и поведением человека или человекообразной ситуацией. Культурные различия влияют на поведение человека и на ситуации, которые он порождает. Отсюда следуют кросскорреляционные распределения, существующие между общим как постоянным и индивидуальным как переменным. Например, кросскорреляционное распределение от пола и образования респондентов свидетельствует, как правило, о том, что наибольший интерес к вопросам политики проявляют мужчины с высшим образованием, наименьший – женщины с низким уровнем образования.

Компаративистику, вследствие присущих ей кроссированных схем, можно, на наш взгляд, рассматривать как исток кросскультурного подхода. В компаративистике разработаны представления о горизонтальном (поперечном) и вертикальном (продольном) сравнении. Горизонтальное сравнение направлено на выявление общего (постоянного) и индивидуального (переменного) в исследуемом объекте. Оно заключается в сопоставлении одного явления с другим в целях раскрытия совместимых и несовместимых отношений и связей между данными явлениями. Вертикальное сравнение предполагает сопоставление этапов развития каких-либо процессов или частей одного и того же объекта.

В семиотике данные способы познания именуется как синтагматический и парадигматический подходы. Объектом синтагматического подхода является горизонтальный срез языка, парадигматического – вертикальный. Например, синтагма общеотрицательного высказывания определяется его логической формой: «Ни одно S не есть P ». Парадигма субъекта и предиката определяет подстановки значений вместо переменных S и P . Культурной парадигмой имен определяются подстановки: «В Италии не пекут черный хлеб»; «В юридическом дискурсе США нет

термина “лишенные родительских прав”»; «Ни один человек не может освободиться от своего культурного наследия» (Ж. Лакан); «Российские самолеты “ЯК” не летают на автопилоте».

Синтагматическое отношение – это отношение взаимодействия. Смысл знаков в нем определяется его соотношением (взаимодействием) с другими знаками. Парадигматическое отношение является отношением конкуренции или выбора. Именно конкуренция или выбор определяют подстановки значений переменных в синтагматические конструкции. Например, логическая форма импликации «Если *A*, то *B*», определяющая предпочтения в конкуренции мотивов или выборов, представляет собой синтагматическую конструкцию. Культурная парадигма имен детерминирует ее содержание: «Сделал дело – гуляй смело» или «Работа не волк – в лес не убежит».

Сложившиеся два аспекта изучения системы языка – парадигматический и синтагматический – являются взаимно дополняющими схемами, без которых невозможно кросскультурное исследование. Синтагматический подход предполагает выявление целостной конструкции. Процедура выявления заключается в формализации линейных отношений между единицами языка (единицами анализа), связь между которыми определяется реальным потоком речи или текстом. Парадигматический подход предполагает противопоставление единиц анализа при наличии у них какого-либо общего признака. Это означает их сравнимость, но несовместимость. Сущность парадигматического подхода заключается в выборе одной единицы анализа из ряда взаимоисключающих единиц.

Культура как естественный результат деятельности людей в естественных условиях содержит в себе синтагматические цепочки и парадигматические совокупности, которые прямо или косвенно влияют на формирование личности и проявляют себя в различных формах общения людей, включая межэтнические и межнациональные. Понимание социальной структуры и социальных связей, имевшееся в предшествующих культурах, отражено в мифах и сказках. «Если взять несколько дюжин сказок одного и того же типа, – рассуждал Рэдклиф-Браун, – можно обнаружить в них общую тему. Сходства и различия между видами животных переводятся в термины дружелюбности и конфликта, солидарности и противоположения. Иначе говоря, мир жизни животных представлен в виде социальных связей, таких, какие преобладают в человеческом обществе» [19, с. 96].

Таким образом, сравнения в кросскультурном исследовании представляют собой кроссированные схемы, ключевым звеном в которых являются различия. Следовательно, кросскультурное исследование – это интерпретация различий, осуществляемая в целях объяснения каких-либо

закономерностей. Интерпретация различий методологически связана с выявлением постоянных структур или тождества. Поэтому закономерность находится в интервале между тождеством и различием логических величин.

4. Категории тождества и различия в кросскультурном подходе. Интерпретация различий в кросскультурном исследовании осуществляется в диапазоне двух типов логических отношений: содержательных и формальных. Содержательное сходство и различие означает, соответственно, сравнимость и несравнимость, формальное сходство и различие – совместимость и несовместимость. Содержательные и формальные сходства не исключаются из кроссированной схемы: если нет точек соприкосновения в содержании или в объеме, то нет различий. Но сходства, предельным выражением которых является тождество, скрывают различия. Индикаторами различий выступают отклонения от тождества. Значит, в интерпретации различий непременно присутствуют схемы отождествления и способы определения тождества, выход за которое означает попадание в сферу иного, или выход за пределы тождества.

Категория тождества означает способность сохранять свою идентичность даже в процессе изменений. Вопрос заключается лишь в возможности зафиксировать эту идентичность как постоянство. Например, выражения «7–2» и «1+4», «первый лауреат Нобелевской премии в области физики» и «В. Рентген» являются как тождественными, так и различными. Они имеют одно и то же предметное значение, но отличаются друг от друга значением смысловым. Уже на этом основании можно констатировать, что тождество, или идентичность, несет в себе различие, различия способствуют установлению тождества.

Формы выражения тождества как определенности, как относительной статики, как фазы покоя и пр. разнообразны. Классическими логическими формами являются дефиниция и классификация. Дефиниция фиксирует признаки, достаточные для идентификации (распознавания) предмета исследования. Классификация определяет место предмета в системе других предметов, которые в определенных признаках сходны с ним, в других – отличаются. Дефиниция и классификация являются не только логическими (универсальными), но и кросскультурными (специфическими) процедурами, лежащими в основе моделирования социальной практики и коммуникативного взаимодействия. Например, в первобытном обществе существовали классификации, которые мыслились (мифы) и которые совершались (обряды). В современном мире «символическая власть классификаций», которой обладают ученые как агенты поля политики, есть социальная власть «образовывать группы, формируя здравый смысл, ясно выраженный консенсус для любой группы» [4, с. 78–79].

Модели тождества позволяют зафиксировать инвариант множества предметов или проблем и тем самым констатировать, что они неотличимы друг от друга. Например, с точки зрения двузначной пропозициональной логики тождественными являются формы языковых выражений, совпадающие по комбинациям допустимых и недопустимых событий, описываемых с их помощью. Это можно иллюстрировать элементарным случаем тождества логических форм «Если A , то B » и «Если не- B , то не- A ». С точки зрения референциальной основы тождественны пары имен «тритикале» и «гибрид ржи и пшеницы», «витамин B_3 » и «витамин PP ».

Сложнее зафиксировать инвариант в ряду предметов, находящихся в постоянном процессе изменений. Обсуждение научных проблем невозможно без фиксации четких семантических границ, которые задаются достоверным тождественным содержанием. Это необходимо для преодоления дилетантского или тривиального подходов в исследованиях. Например, немецкий историк Й. Рюсен пишет: «Историческое мышление осуществляет очень важную культурологическую функцию – оно формирует идентичность в темпоральной перспективе, устанавливая связи между прошлым, настоящим и будущим. В этом смысле историческое мышление становится средством кросскультурной ориентации» [1, с. 427].

Согласно модели тождества личности идентичность – система коммуникативных средств, проецирующих и отражающих индивидуальность человека. Она выражает его ценностные установки, притязания, желания и другие структурные составляющие внутренней жизни. Тождество личности, согласно Э. Левинасу, – «ее самостный мир, сохраняющий во времени устойчивые конфигурации и проявляющийся эйдетически» [40, с. 17]. Если внутренняя жизнь совпадает с внешним миром, тождество сохраняется. В противном случае, возникает рассогласование между ними.

Тождество личности как интегральное, а не дифференцирующее понятие обозначает относительно стабильные характеристики человека (его характер) как способы реагирования на различные стимулы. Дифференцирующий характер оно обретает только в контексте различий. Два разных человека могут по-разному реагировать на один и тот же стимул из внешней среды или один и тот же человек может реагировать по-разному на один и тот же стимул, но при разных обстоятельствах. В первом случае можно предположить отклонение на уровне референтов, во втором – отклонение на личностном уровне.

Тождество личности складывается в определенной культурной среде, к которой следует отнести не только этническую ситуацию, но и условия малой социальной группы. Социализация индивида осуществляется на пересечении множества траекторий, нагруженных культурными особенностями. Поэтому личность является носителем не только индивидуаль-

ного, но и общего, конституционально-типического. Видовая трансформация родовых признаков или свойств происходит на пересечении основ конституциональных типов как нормы и факторов, обуславливающих появление отклонений. Нормальный конституциональный тип сохраняет безразличие (тождественность) к различным стимулам из внешней среды. Отклоняющийся (патологический) конституциональный тип реагирует на подобные стимулы. Культурными особенностями объясняются различия в способах реагирования человека на замечания. Например, в некоторых культурах нормой деловой риторики является указание на недостатки, поскольку считается, если человек знает о своих недостатках, они ему больше не вредят.

Э. Левинас и В. Хесле связали проблему самоидентификации с вопросами распознавания Я-субъекта и Я-объекта, а также взаимоотношением этих структур личности, элементы которых разнонаправлены, но составляют одно целое. Идентичность выстраивается через различение этих разнонаправленных элементов. Темпоральными модусами различения являются модусы «до» и «после», «прошлое» и «настоящее» и пр. Пространственными модусами являются многообразные внутренние (потребности и интересы как формы реализации потребностей) и внешние (ожидания других) факторы. Согласно Э. Левинасу, «существование человека заключается в самоидентификации, в постоянном поиске своей идентичности в процессе происходящего с ним. <...> Мышление, желания, поступки человека являются движением из обжитого пространства “у себя” в чуждое “вне себя”» [43]. Для В. Хесле постижение идентичности невозможно без различения разнонаправленных подструктур личности [35].

Л. Гозман и А. Эдкинд определяют идентичность как «субъективное переживание человеком своей индивидуальности» [9, с. 30]. Процесс расширения идентичности человека «до масштабов человечества» и одновременно «конкретного принятия своей уникальной индивидуальности» они интерпретируют как «взросление» человека [9, с. 31].

Идентичность личности формируется, поддерживается и воспроизводится посредством коммуникативного взаимодействия. Для И. Гофмана идентичность представляет собой естественные и «само собой разумеющиеся» проявления личности. Формами выражения идентичности являются наборы правил, сгруппированные во фреймы. С помощью фреймов строятся формальные определения ситуаций, которые формируют, поддерживают и воспроизводят идентичность личности [10, с. 297]. Поэтому коммуникативное взаимодействие можно интерпретировать как общепринятые в определенном культурном ареале стратегии общения и способы организации повседневного и иного опыта.

Разным типам коммуникативного взаимодействия, разным способам организации жизнедеятельности соответствуют разные фреймы. Существуют фреймы как формы выражения культурной, национальной, групповой, индивидуальной и иной идентичности. Все разновидности фреймов прямо или косвенно отображаются в языке. Поскольку фреймы – это языковые конструкции, постольку тождество и различия проявляются в языках культуры, нации, группы, индивида и др. Например, тождественность правового поля в некоторых, но не всех культурах подтверждается деятельностью, организованной в соответствии с номинативной цепочкой «подозреваемый – обвиняемый – подсудимый – виновный».

Язык как семиотическая система отражает тождество и различие. Сходства предметов позволяют группировать их в отдельные категории. Некоторые из них являются универсальными, свойственными всем или большинству культур. Например, процессы категоризации таких первичных эмоций, как счастье или страх, на уровне выражения лица совпадают в разных культурах. Но очевидно, что их концептуальные определения будут отличаться друг от друга.

Концептуализация как формирование универсалий является не функцией интеллектуальных способностей, а выражением интересов, «не одинаково маркированных и детализированных в каждом отдельном сообществе в рамках национальной общности» [19, с. 114]. Универсалии являются иконическими знаками в культуре. Степень универсализма зависит от естественности происхождения знаков. Дым, указывающий на огонь, стон – на страдания больного, смех – на внутреннюю радость, являются более универсальными по сравнению с географически или социально детерминированными универсалиями, следовательно, не являются культурно-специфичными. Социальные стереотипы, детерминирующие способы интерпретации окружающего мира, напротив, можно рассматривать как культурно-специфичные.

В истории философии максимум тождества и нулевая степень «инаковости» – это Единое, центральная тема платонизма и неоплатонизма, подготовленного элеатами. Но зафиксировать тождество без его отнесенности к иному невозможно. Отнесенность к иному – это работа различия, предполагающая подтверждение тождества или сомнение в нем. Сравнивая, например, два тезиса – «Мыслить и быть – одно и то же» Парменида и «Человек – это существо, которое вынуждено доказывать свое присутствие в мире мышлением» М. Хайдеггера, – можно зафиксировать их тождество и различие. С одной стороны, речь идет о тождестве бытия и мышления, с другой – содержательные интерпретации данных тезисов отличаются друг от друга, так как являются результатом рассуждений в разных философских эпохах.

Работа различия связана с дифференциацией. «Одним из типов дифференциации в структуре мира объектов» Т. Парсонс называет взаимодействие с социальным объектом, или взаимодействие с «другим». Социальное взаимодействие основано на дополнительности ожиданий, ведь «действия каждого ориентированы на ожидания “другого”» [25, с. 434–435]. В своих различных формах и вариантах социальное взаимодействие «обеспечивает зарождение того, что на человеческом уровне мы называем личностью и социальной системой». Оно «делает возможным развитие культуры на человеческом уровне» [25, с. 437–438].

Для Э. Левинаса взаимодействие с Другим как тип дифференциации в структуре мира является необходимым условием реконструкции собственной идентичности. Если реконструкция сопровождается непринятием иного в себе, то ее следствием становится ксенофобия. Ксенофобия как результат осознаваемого или неосознаваемого сравнения и последующего соперничества означает, что в Другом нет того, что есть в нас. Позволение сформировать себя ответом Другого имплицитно, согласно Э. Левинасу, преодоление ксенофобии и культурных различий [42, с. 34].

Основной блок внутренних мотивов поведения скрыт от человека и может быть частично понят лишь в специальных провоцирующих ситуациях. В контексте кросскультурных проекций ксенофобии провоцирующими ситуациями выступают культурные различия, которые невозможно удалить из дискурса. Преодоление различий, согласно Э. Левинасу, невозможно без ответов на вопросы: «Каким образом беспокойство об ином в себе делает человека человеком? Как возможно раскрытие иного в себе посредством Другого? Как можно мыслить различие?» Э. Левинас обосновал функциональную зависимость отношения к Другому от структуры личности: только перед Лицом Другого человек может познать себя. «Сущность проявляется только перед Лицом Другого», которое представляет собой «тот нередуцируемый модус, соответственно которому сущее способно представать в своей идентичности» [18, с. 325]. Значение Лица зависит от ценностей, открываемых в восприятии некоторого сущего [18, с. 325].

Но является ли современный человек идентичным субъектом, т. е. самим собой? Ж. Бодрийяр в разработанной им концепции общества потребления заключает, что «все желания, замыслы, императивы, все человеческие страсти и отношения сегодня абстрагируются в знаках и вещах, чтобы сделаться предметом покупки и потребления» [2, с. 163]. Индивид в обществе потребления представляет собой «движущееся различие», т. е. постоянно переопределяется множеством вещей. По этой причине к нему не применим методологический концепт отчуждения, базисными предикатами которого являются «быть чужим чужому, чуждым чуждому», «быть оторванным от какого-либо мира (истории, культуры, общества и пр.) или

процесса» (Э. Левинас). Человек как «движущееся различие» отражается в ряду социальных означающих, поддерживающих игровой характер потребления, который оборачивается трагедией идентичности субъекта.

«Движущееся различие» как методологический концепт означает постановку вопроса: «В состоянии ли человек “обеспечить границы собственного бытия”?» Индивидуальное становится всеобщим вследствие того, что «исчезает “другой”, вместе с ним размывается самостоятельность. Мучительность состояния отчуждения снимается» [32, с. 138]. Исчезновение «другого» составляет кросскультурный аспект различия экономического человека, способного к рациональному выбору, и человека потребления, склонного к соблазну. Рациональный выбор и соблазн являются дифференцирующими признаками. В структуре рационального выбора личностные качества и характер интерпретируются как выгодные инвестиции, которыми можно разумно распорядиться. Соблазн регулируется и лимитируется не самим человеком, а толпой. Поэтому категория ответственности, присутствующая в человеке экономическом, исчезает в человеке потребляющем, заменяясь на спонтанность мысли и сиюминутность поведенческих решений.

Человек не может быть постоянно тождественным самому себе, способу своего бытия. Как момент в коммуникативном взаимодействии с другими людьми, он постоянно переопределяется. Процесс переопределения детерминирован различиями, которые способен зафиксировать человек как кроссированный субъект. Если тождество личности как относительное постоянство ее структур означает доминирование индивидуальности человека, то отклонение от тождества – это стремление стереть индивидуальные различия и приобрести «различия кодированные». «Кодированные различия», которые уже не разделяют индивидов, а объединяют их, становятся предметной стороной социального обмена. От обмена различиями оказывается зависимой интеграция группы. В контексте Ж. Бодрийяра легко объяснимы многие парадоксы нашего коммуникативного взаимодействия, один из которых можно иллюстрировать примером православного священника Федора Повного: дорогие иномарки, припаркованные во дворе мало-семейных общежитий, маркирующие мышление их обладателей и дифференцирующие определенную культуру.

По причине «движущегося различия», согласно Ж. Бодрийяру, прежние признаки различения – расовые, классовые, половые и пр. – следует заменить или дополнить признаком потребления. Люди различаются посредством предметов потребления. Предметы потребления становятся не столько вещами, сколько знаками. Потребление подобных знаков задает «иерархию личностей», поддерживаемую в процессе социального обмена. Поэтому новый принцип исчисления социального расслоения в обще-

стве – это семиотическая сущность предметов потребления. Как дифференцирующая характеристика семиотическая сущность предметов потребления составляет основу объяснительных моделей кросскультурного типа. Данные модели позволяют фиксировать и подтверждать по меньшей мере две зависимости – определенных состояний внутреннего мира личности от внешних факторов, например, групповой культуры, и поддержание внешних факторов индивидуальной культурой личности.

По убеждению Ж. Бодрийера, «человек потребления» не в состоянии дистанцироваться от непосредственности своих потребностей, т. е. не способен стать наблюдателем. Но он является классификатором, который демонстрирует профили личности, определяемые ее отношениями к значимым объектам окружающего мира. Классификаторы как ментальные структуры представляют собой шкалу ценностей, с помощью которой человек структурирует мир. Критерии ценности, или полезности, выстроенные в шкалу, регулируют поведение. В результате одни объекты притягивают, другие – отталкивают, к третьим – человек равнодушен. Поэтому одной из задач кросскультурного исследователя является определение тождественной структуры личности и дифференцированный учет влияния факторов культуры на нее.

Дифференциация факторов культуры сопряжена с выявлением тождества и различия в социальной, политической, экономической, психологической и других сферах жизнедеятельности людей. Но каким образом возможно обнаружение тождества и различия? В первую очередь оно становится возможным на основе корреляций тождества и различия с категориально-концептуальным строем языка. Иллюстрируем данные корреляции событием, о котором рассказал режиссер Н. Михалков. Русский генерал Беляев, прибывший в Парагвай в 1924 г., изучал культуру местных индейских племен. В результате он пришел к выводу, что их культура строилась не на наказании, а на чувстве благородства и стыда. Например, в их языке отсутствовали слова «лжец» и «вор». Естественно, генерал не заметил бы различия, если бы в культурной среде, из которой он прибыл в Парагвай, не существовало бы наказание как естественное следствие лжи и воровства как нравственных аномалий.

Таким образом, тождество и различие составляют диапазон, в рамках которого формируются представления о предмете кросскультурного исследования и осуществляется их формализация. Поэтому модели тождества являются неотъемлемой частью методологии кросскультурного исследования. Без концептуализации границ постоянного нельзя зафиксировать отклонения.

5. Онтологические, гносеологические и эпистемологические аспекты методологии кросскультурного подхода. Методология кросскультурного подхода, как и любая другая методология, предполагает решение вопросов, связанных с модальным контекстом. Проблема модаль-

ностей связана с ответами на ряд вопросов, касающихся исследуемого предмета и его признаков: существуют они в реальности или не существуют, являются случайными или необходимыми, воображаемыми или действительными, вероятностными или доказанными и др. Классификация проблем модальностей в кросскультурном исследовании означает распознавание его онтологических, гносеологических и эпистемологических аспектов.

Онтологический статус предмета кросскультурного исследования связан с его участием в событиях некоторого мира, объяснить которые можно их структурно-функциональной спецификой. Сами объяснительные модели должны прогнозировать возможные сценарии событий. Например, для описания группового мышления были предложены описания эмоциональных состояний как специфических форм группового функционирования: 1) агрессивность, враждебность и страх; 2) оптимизм и ожидание; 3) беспомощность или благоговение (У. Байон). Но данное описание не применимо для объяснения иллюстрации священника Федора Повного о потребительском поведении индивида.

Первоочередным в кросскультурном исследовании является ревизия методологического смысла категории «система отсчета». Отказ от абсолютной системы отсчета означает изменение онтологии, гносеологии и эпистемологии. Без соотнесения с ситуацией или средой теряется определенность предмета исследования. Предмет кросскультурного исследования обладает признаками, которые проявляются лишь в связи с данной системой отсчета. Это означает, что логика кросскультурного исследования является конструктивной, т. е. она задается условиями ситуации и возможностями исследователя.

В классической логике существует разграничение имен по различиям в их содержании. Имена делятся на конкретные и абстрактные, положительные и отрицательные, безотносительные и соотносительные. Конкретные, положительные и безотносительные имена являются характеристиками бытия, рассматриваемого в абсолютной системе отсчета. Система отсчета становится относительной, как только мы начинаем осознавать наличие абстрактного, отрицательного и соотносительного. Нельзя заметить движение, если нет покоя. Нельзя оценить добродетельную ситуацию, не сопоставив ее с ситуацией зла. Нельзя осмыслить одну культуру без ее встречи с другой.

Таким образом, неотъемлемым атрибутом кросскультурного подхода становится преодоление стремления к идентификации предмета из него самого (объяснение человеком себя из самого себя) или без обращенности к Другому. Это означает, что изменяется онтология исследования. «Центризм» как доминанта одной культуры, идеи, человека или подхода заменяется контактом культур, идей, людей или подходов. Например,

«логоцентризм», «антропоцентризм» или «этноцентризм» являются ограниченными вследствие того, что их референты не универсальны, а культурно-специфичны. Даже имена «общечеловеческие ценности», «демократия» или «2·2» являются зависимыми от контекста.

Ограничение культа тождественности и признание «обращенности к Другому» влечет за собой изменения в гносеологии. Исследование, претендующее на статус кросскультурного, должно ответить по меньшей мере на два вопроса: «Существует или не существует Иное?» и «Что считать уникальным, универсальным или всеобщим – идентичность или обращенность к Иному?». Онтология и гносеология кросскультурного исследования предполагает контакт (соотнесение) с Иным как «прививку» от любой формы аутизма (социального, национального, этнического, эпистемического, профессионального и др.).

Именно контакт как квинтэссенция кросскультурного подхода позволяет установить степень уникальности тождества или обращенности к Иному. Например, контакт родной культуры (тождества) с инородной (иное), являющийся диалогом интерпретаций, позволяет установить степени уникальности референтов: является референт универсалией, квази-реалией или реалией культуры. Универсалиями являются референты, тождественные в сравниваемых культурах по своим общим и специфическим признакам. Квазиреалии включают референты, тождественные в сравниваемых культурах по своим общим признакам, но отличающиеся по признакам специфическим. Реалии культуры составляют референты, отличающиеся по своим общим и специфическим признакам.

Сущее (сущность) и Другое определяются друг через друга. Сущее в мысли формирует дефиниция, вовлекая его в систему общего. Но она же, задавая образы сущего, ограничивает его. Отсюда – вопрос о границах сущего. Если нет границ сущего (нет определений), мы имеем дело с «недифференцированной бесконечностью» (Э. Левинас) [41] или хаосом (Г. Хакен).

Поскольку сущее и Другое взаимно определимы, постольку они тождественны. Тождественность сущего и Другого заключается в их тотальном различии. Поддержание чуждости Другого – это сохранение специфики его мышления, отношения к религии, государственному устройству и пр. Нежелание осмыслить себя через Иное идентифицируется Э. Левинасом как нежелание сохранить Другое в его чуждости. Для этого нужно превратить «чужое и трансцендентное в свое иное». Данные представления Э. Левинаса находятся в отношении корреляции с феноменом автономии. В политическом дискурсе он означает право на самоопределение, в педагогическом – право ребенка на самостоятельность. Непомерные требования, амбиции, болезненная педантичность титульных наций или старшего поколения приводят к полному отсутствию чувства, что их ува-

жают, что им желают только добра, что о них заботятся, у тех, кому отказано в сохранении «инаковости».

Иное для сущего – то же самое, что порядок для хаоса. Нежелание осмыслить порядок через хаос есть нежелание сохранить хаос в его чуждости. Тождественность порядка и хаоса заключается в их различии. Поддержание чуждости хаоса – это поддержание или сохранение специфики порядка. Именно специфика порядка поддерживает и сохраняет его таким, каким он является. Например, оценка целей развивающейся личности, когда представление о желаемом еще не сформировалось, предполагает распознавание их как фазы развития или как стабильной черты. Если это стабильная черта, то она становится механизмом, поддерживающим или сохраняющим определенный порядок в организации жизнедеятельности личности.

Многообразие типов онтологий определяется предикатами «быть всем» или «быть качественно-конкретным миром» (Э. Левинас) либо «быть целым» или «частью целого». В качестве иллюстрации реальности, которая является «всем», можно рассматривать категориальный словарь культуры для обозначения пространственных и временных ориентаций: вверх – вниз; налево – направо; вчера – завтра и прочие универсалии. «Качественно-конкретный мир» как культурно-специфический фрагмент действительности – это «карьеря члена БРСМ» или «левые и правые политики России» и прочие реалии.

Универсализм негативного значения признака «левый» и положительного значения признака «правый» подтвержден сравнением культур. В восточных культурах обман или неуважение идентифицируются в языке с помощью выражения «сделано левой рукой». В западных культурах признак «левый» означает всевозможные отклонения от нормы: «левые деньги», «встать с левой ноги» и пр. Напротив, «правый» во всех культурах означает первый, доминирующий, почетный и пр.

Онтология и гносеология связаны в кросскультурной методологии с вопросами эпистемологии. Эпистемологические операции, устанавливающие отношения между элементами человеческого опыта и реальным миром, зависят от множества факторов: что-то происходит слишком быстро или слишком медленно, в очень большом или очень малом масштабе, явно или скрытно и т. д. Но именно идеи и образы эпистемического субъекта складываются при посредничестве гносеологии в определенную онтологию.

Вопросы эпистемологии предполагают разграничение познавательных операций на неврологическом и лингвистическом уровнях. Способы раскрытия истинной сущности мира вокруг нас отличаются от естественного наблюдения. Оказывается, что нержавеющей сталь очень даже ржавеет.

Но поскольку коррозия ограничена атомным уровнем, то толщина пленки ржавчины ниже порога зрительной перцепции человека. Для преодоления погрешностей неврологических преобразований мира разработаны эпистемологические операции измерения и инструментального наблюдения (например, взвешивание).

Основная задача кросскультурной эпистемологии заключается в поиске различий как условий самого исследования. Это закономерно вытекает из эпистемической логики самого исследователя. Основной единицей анализа является не сходство, а различие. Это верно как для неврологического, так и для лингвистического отображения мира. Для того чтобы заметить особенное, нужно видеть различие. «Различие – это отличие, позволяющее установить разницу. <...> Какая замечательная вещь происходит, когда вы знакомитесь с людьми другой культуры или читаете о других культурах. Вы отмечаете при этом различие?» [12, с. 34].

Различие как условие кросскультурной эпистемологии подтвердим рассуждением «от противного». Допустим, не различие, а сходство выступает в роли подобного объекта. В таком случае человек способен узнавать лишь то, что ему известно. Раннее развитие ребенка связано именно с формированием способности видеть одинаковое. Неспособность замечать различия является естественной. Нельзя научить замечать различия индивида, который не освоил операцию отождествления. «Нелогичная склонность» на определенном этапе развития трансформируется в способность осознать, что схожее вовсе не одинаково, а содержит в себе различия. Умение увидеть и обосновать различие – основа кроссированной схемы сравнения. К слову, в обучении на ранних этапах развития доминируют операции по различению, а не по отождествлению, что вполне закономерно ведет не к развитию мышления, а к формированию невротических реакций индивида, не оправдывающего надежд учителей.

Ф. Ницше идентифицировал способность замечать сходство и не видеть различий как условие выживания человека. Именно такие формы мышления, гарантирующие выживание, составляют, по его мнению, исток логики. «Из чего возникла логика? Наверное, из нелогики, владения которой первоначально были огромными. Но бесчисленное множество людей, умозаключающих иначе, чем мы теперь, погибло: это в большой степени соответствует действительности. Кто, например, недостаточно часто умел находить “одинаковое” в отношении пищи или враждебных ему зверей, кто, стало быть, медленно обобщал, слишком осторожничал в обобщении, тот имел меньше шансов на дальнейшую жизнь, чем кто-либо, который во всем схожем тотчас же отгадывал одинаковость. Но преобладающая склонность обращаться со схожим как с одинаковым, нелогичная склонность – ибо на деле не существует ничего одинакового – заложила впервые основу логики» [30, с. 17].

Если сходство является сопутствующим фактором преимущественно неврологических преобразований и логики целого, то различие – сопутствующим фактором лингвистических преобразований и логики общего. Частное (особенное) превращается в общее на лингвистическом уровне, т. е. с помощью языка. Язык – это не только способ освоения мира, но и способ его искажения. Например, в чем отличие между цветком и сорняком (мята в огороде дачника), музыкой и шумом (громко звучащая «Венгерская рапсодия» Ф. Листа), борцом за свободу и террористом (генерал Дудаев)? Коннотации имен «управляющий» и «консультирующий» отличаются в разных культурах. Коннотации имени «управляющий» влекут в некоторых культурах образы (якоря), обусловленные авторитарной культурой: человека, отдающего приказы, а не предлагающего сделать выбор, как в случае консультанта. «Консультирующий» при этом может ассоциироваться исключительно с человеком в белом халате.

Логика неврологических преобразований мира является иконической, так как строится на отношениях между частью и целым. Логика лингвистических преобразований моделируется логикой множеств (логикой общего). Теоретико-множественный подход включает способы сопоставления элементов одной совокупности (множества) и элементов другой совокупности. Сравнение рационалистической и эмпирической традиций в истории философии позволяет зафиксировать их сходства и различия. Обращение к внутреннему опыту при доминировании разума и обращение к внешнему миру при гиперболизации чувственного познания имеют свои резоны, которые можно выявить лишь при сопоставлении двух множеств, включающих признаки двух традиций.

Слишком большое сходство скрывает различие. Напротив, противоречие, иллюстрацией чего может служить конфликт, является явным индикатором различий. Вопрос кросскультурной педагогики, например, заключается в том, какие различия необходимо сохранять и укреплять. Вопрос кросскультурной риторики – на какие отклонения в поведении аудитории следует реагировать оратору.

Кросскультурное исследование должно исходить из эпистемологического постулата, согласно которому изучаемый предмет в рамках именно этой среды можно изолировать от внешнего мира, т. е. от всех возмущающих факторов. Данная эпистемология детерминирована рядом гносеологических характеристик. Во-первых, предмет кросскультурного анализа представляет собой некоторую замкнутую целостность. Например, национальную или этническую культуру можно интерпретировать как смысловую закрытость, безразличную к влиянию соприкасающейся с ней иной национальной или этнической культуры, сохраняющую свою тождественность. Смысловая герметичность сохраняется в условиях, когда человек

не в состоянии раскрыть корреляции между социальными, историческими или повседневными реалиями, с одной стороны, и традициями, ритуалами и символами культуры – с другой. Тождество личности как смысловая изолированность имеет место, когда человек не понимает чужую иностранную речь.

Во-вторых, предмет является эмерджентным, т. е. порождающим некоторое новое свойство. Это означает, что он выполняет функцию порождающей системы. Например, редукция человека к биологической или социальной сущности, социальной сущности – к социальным ролям, социальной роли – к роли руководителя и т. д. позволяет интервально зафиксировать проявление его определенных свойств и качеств.

В-третьих, существуют способы согласования объективного и субъективного. Подбор условий, в которых проявляются необходимые признаки предмета, например свойства и качества человека, должен обеспечить обнаружение устойчивых корреляций. Выполнение этого условия означает перевод логики вещей в концептуальную логику, эффективность чего находится в зависимости от выбора эмпирических предикатов и теоретических абстракций. Например, полемика о том, каким образом лучше организовать убеждение человека об опасности курения или алкоголя для здоровья, интерпретируется как спор о том, чей набор слов сильнее запугает людей. Отсутствие эффекта у такой риторики объясняется именно неадекватностью способов согласования объективного и субъективного.

В-четвертых, структура исследуемой реальности такова, что она является разной «изнутри» и «извне», т. е. картины реальности внутреннего и внешнего наблюдателей не совпадают. Смысловая закрытость «изнутри» означает «включенность в опыт». Например, человек, воспитанный на классической музыке, может лишь предположить, какими бы могли быть его музыкальные предпочтения в случае отсутствия подобного воспитания. Смысловая закрытость «извне» – это разработанный в кибернетической логике метод «черного ящика», основанный на предпосылке, что субъекту доступна только внешняя информация. Например, представитель христианской культуры является внешним по отношению к представителю ислама.

Кросскультурное измерение исходит из предпосылки, сочетающей методы отождествления и различия. Допустим, историко-философская реконструкция на основе первоисточников возможна с помощью мысленного перенесения в другую эпоху, посредством попытки освоения иного способа видения мира, т. е. методом отождествления («изнутри»). Вторая интеллектуальная перспектива – это исследование с точки зрения современного ученого, опирающегося на современные концепции («извне»). Отождествление с чужой позицией и поддержание различия являются дополнительными друг другу, или комплементарными.

Задача кросскультурного исследователя заключается в том, чтобы отыскать и обосновать наличие тождественного в различном (интеграция), различного – в тождественном (дифференциация). Это взаимосвязанные и взаимообусловленные процессы. Но цель определяется доминированием одного из них.

Обоснование тождества различного (интеграция) позволяет рассуждать о проблеме параллелей. Идея «вечного возвращения» тождественного, допустим, как у Ф. Ницше, свидетельствует о параллельном развитии разных культурных феноменов. Параллели – это корреляции, или комплементы. К. Леви-Строс обосновывает наличие корреляций между ритуалами и верованиями [19, с. 54]. Он же отмечает, что «обстоятельства привели к определению тотемизма главным образом через параллель между пищевыми запретами и правилами экзогамии» [19, с. 198]. Сделать данную сопряженность обычаев исключительной позволил принцип комплементарности.

На междисциплинарном пересечении антропологии, криминалистики и психиатрии Ч. Ломброзо в своей атавистической теории провел параллели между дикарем и преступником. Сравнив их поведение и психические особенности, он пришел к заключению о наличии у них сходств в неразвитости нравственного чувства, неспособности к раскаянию, слабости к рассудку и любви к татуировкам. При этом он игнорировал внутренние и внешние социальные условия. По этой причине нельзя считать данное заключение верным. Ошибочность данного подхода заключается в том, что не был учтен методологический принцип: сходство вещей имеет место лишь тогда, когда они различны. Для подтверждения различия требуется подтверждение внутренней связи сравниваемых объектов.

Обоснование различия в тождественном (дифференциация) означает параметризацию культурной специфики. Различие предполагает наличие сходства, так как элементы разных, не связанных между собой систем не могут характеризоваться категорией различия, требующей внутренней связи сравниваемых объектов. Например, психолого-практическое обоснование «кросскультурных различий в категоризации» Д. Мацумото связывает с выполнением заданий на сортировку. Представители разных культур выбирают для группировки разные критерии: по функции, форме или цвету. Взрослые западноевропейцы группировали преимущественно по функции, взрослые африканцы – по цвету. Продолжение исследования предполагает установление причины различий в категоризации: появляются они под влиянием культуры или образования. Сравнение детей и взрослых в Уганде показало, что группировать объекты по цвету предпочитают малообразованные или неграмотные люди. Открытым остается вопрос, «стоит ли приписывать разницу в выполнении заданий отличиям в культуре или уровню образования» [21, с. 246].

Решение онтологических, гносеологических и эпистемологических проблем в кросскультурном исследовании является необходимым условием для обеспечения его достоверности. Достоверность кросскультурных исследований определяется валидностью и надежностью результатов. Валидность как точность выражения и надежность как степень постоянности, или тождество, не проявляющее различия, зависимы от языка наблюдателя. Кибернетический термин «робастность» выражает силу и устойчивость данных, несмотря на различные методы их получения.

История философии доказывает, что суть онтологического доказательства тривиальна: если мы можем о чем-то мыслить, значит, оно существует. Вопрос лишь в том, существует это мыслимое лишь как идея человека или как реальность. Так, критика И. Кантом онтологического доказательства идеи Бога была основана на двух моментах: априорном наличии в сознании идеи совершенного существа и неоправданном переходе от существования в мысли к существованию в реальности. Аналогичная опасность подстерегает кросскультурного исследователя.

Существовать только в качестве чьей-то идеи означает обладать меньшей степенью совершенства, чем существование в реальности. Возникает вопрос, какая логика наиболее адекватно описывает инвариантные онтологические структуры, учитывая при этом гносеологические и эпистемологические аспекты. Это особенно важно в ситуациях нигилизма гуманитариев к логике. Объяснение этому факту достаточно тривиальное: если человек чего-то не знает, он этого не замечает. Самим развитием науки доказано: там, где заканчивается логическое построение рассуждений, начинается паралогическое пространство мысли. Логика предполагает факты и правила работы с фактами. Факты – это константы или переменные. Один из фактов должен быть обязательно целевым, т. е. четко зафиксированным в цели, и обеспечивать связность и цельность исследования. Правило – это логическая связка «если, то». Переменная цели должна входить в структуру вывода. Действие по определению цели – это проверка условной части импликации, или ее антецедента. Если этого не происходит, научного исследования нет.

6. Квантовая логика, принцип дополнительности и кросскультурная методология. В XX в. проблемы онтологии, гносеологии и эпистемологии обострились вследствие открытия физиками микромира. Параллельно открытиям физиков антропологи и этнологи «открывали» новые цивилизации и культуры. Микромир оказался не тождественным миру малых скоростей. Новые цивилизации и культуры обнажили различия, которые стали интерпретировать как достоинства или изъяны собственной или чужой культуры. Возникла необходимость ревизии классической методологии, в которой исследователь присутствует только как *cogito*. Ан-

трополог Р. Лоуи предупреждал, что «следует знать, сравниваем ли мы реальности культуры или только образы, происходящие из наших логических способов классификации» [19, с. 44]. Физик Н. Бор отмечал: «Едва ли существует культура, про которую можно сказать, что она полностью самобытна. Мы поистине можем утверждать, что разные человеческие культуры дополнительны друг другу» [3, с. 48–49]. Поэтому он настаивал на интерпретации принципа дополнительности (комплементарности) как инструмента кросскультурного диалога.

Принцип дополнительности является одной из трех частей методологии квантовой механики, ознаменовавшей революционные изменения в моделировании научных рассуждений, в неклассических интерпретациях мира (появлении неклассических логик) и неклассической методологии в целом. Принцип дополнительности в сочетании с принципами соответствия и наблюдаемости стали основными методологическими регулятивами исследования неопределенных ситуаций, связанных с непредсказуемостью поведения объектов микромира, а также человека.

Неотъемлемой составляющей любой методологии является проблема формально-логической реконструкции научных рассуждений. Подобная реконструкция включает три этапа: 1) фиксирование постоянных и отбор переменных, согласно установленным критериям; 2) определение отношений между ними; 3) обоснование отношений между постоянными и переменными, являющихся реконструкцией исследуемого предмета. В результате предмет исследования представляет собой реляционную структуру, воспроизводящую определенную онтологию. Гносеологические и эпистемологические аспекты моделирования осложняются неопределенностью и многозначностью самой онтологии. По этой причине категориальный статус в неклассической методологии обрели такие характеристики бытия, как нелинейность, самоорганизация, изменчивость, становление, хаос, порядок, фрактал, холизм, присутствие субъекта (наблюдателя) в картине становления и др.

Началом реформирования классической методологии стала квантовая логика – формальная система рассуждений об объектах и событиях микромира. Усилиями М. Планка и его последователей микромир обрел логику квантовых интерпретаций собственных событий. В рамках методологии квантовых интерпретаций была сформулирована проблема измерения и раскрыта роль наблюдателя. Такие перемены были предопределены тем, что понятие массы сменилось понятием энергии и это разрушило предел «стабильности» и «устойчивости» материи. Проблема измерений и роль наблюдателя, а также корреляции между ними означали начала становления неклассической методологии научного познания, которое должно сочетать методы изучения неопределенности и детерминации, изменчивого (динамического) и статичного, фрактального и линейного.

Квантовая логика отличается от логики классической принципом соотношения неопределенностей, открытого В. Гейзенбергом. Соотношение неопределенностей выросло из проблемы определения предела положения электрона: «всегда существует минимальное возмущение, которое мы вносим в движение электрона путем измерения его положения» [11, с. 81]. Между точностью измерения положения электрона и точностью определения его скорости существует обратная пропорциональность, т. е. большая точность в определении положения неизбежно ведет к большей погрешности в определении скорости, и наоборот. Это окончательно привело в науку вероятность и кванты, что потребовало новых способов видения мира. В первую очередь соотношение неопределенностей подтверждает отсутствие абсолютного покоя и наличие флуктуаций. Для социального мира это означало, что существуют флуктуации, не видимые для наблюдателя, но производящие макроскопические эффекты.

В отличие от микромира макромир нуждается во фрактальной логике (разновидности логики синергетической), подразумевающей работу с «дробными» логическими структурами, которые обеспечат фрактальные интерпретации мира, по аналогии с квантовыми интерпретациями. Для этого необходимо, как это было с «квантом», придать категориальный статус понятию «фрактал». Если квант обозначает предел возмущения в микромире, то фрактал – предел возмущения в макромире. Если кванты – «мельчайшие единицы, на которые, в соответствии с законами квантовой механики, дробятся другие физические сущности» [11, с. 265], то фракталы – единицы, составляющие социальные сущности.

В квантовой логике решается проблема неустранимой погрешности, т. е. того минимального отклонения, которое неизбежно. Согласно М. Планку, в квантовой механике существует неустранимая погрешность, равная длине волны. Б. Грин приводит два примера, иллюстрирующие неустранимую, значит, неизбежную, погрешность в физическом и социальном мирах. Искажение формы волны в море свидетельствует о скале, расположенной ниже уровня моря [11, с. 81]. Если покупателя акций волнуют только деньги, то он может не различать акционерные кампании в финансовом отношении и распределить свои средства в равных пропорциях между ними [11, с. 161].

Постоянная Планка как фундаментальная постоянная определяет масштаб дискретных значений энергии. Она имеет очень малое численное, но большое методологическое значение. Она фиксирует отклонение (отличие), которое имеет место в границах микромира. На уровне макромира они не сказываются. В макромире постоянная Планка означала бы, что природа, в соответствии с принципом строгой дизъюнкции, разрешает, как в примере Г. Гамова, либо пить целый литр пива, либо не пить совсем,

не допуская никаких промежуточных доз. Но если феномены микромира не проявляются на уровне «макро», то микроскопическая структура систем очень часто неизвестна. Но всегда есть возможность наблюдать ее макроскопические величины – свойства, которые можно измерить, описать и т. д. Однако достаточно часто подробности о распределении элементов отсутствуют, поскольку не поддаются непосредственному наблюдению. Такого рода ситуация наблюдается, например, при исследовании социальных систем в их историческом развитии. Многие системы, функционировавшие в прошлом, в каких-либо формах (способах) воплощены в нынешних системах. Вопрос лишь в их распознавании, т. е. в решении проблемы неопределенности.

Поскольку физический, химический, биологический, социальный и другие миры не являются статичными, постольку размерности их объектов дробны и нестабильны, т. е. фрактальны. Оптимизация выбора размерности зависит от прагматических ситуаций использования. Каковы же особенности логики нелинейного фрактального мышления? В первую очередь это условия, в которых оно способно «выжить». Их три: 1) выбор позиции «внешнего наблюдателя», предполагающей умение выходить за рамки сложившихся алгоритмов или схем. Это позволяет рассуждать не в рамках «общих мест», а строить новые схемы рассуждений для анализа конкретной ситуации (логические фракталы); 2) постоянное переопределение размерности ситуации и осуществление нового анализа в связи с вновь открывшимися обстоятельствами (например, сетевая организация процесса, движущегося через структуру коллектива или группы); 3) осознание информационной неполноты ситуации (что следует из теоремы Геделя о неполноте) и умение достраивать недостающие элементы в систему.

Признание фрактальных размерностей является закономерным движением теоретического мышления, осознавшим, что существуют логики, содержащие внутри себя противоречие вида $(A \wedge \bar{A})$, которое не приводит к их тривиализации или разрушению, так как является парапротиворечием, а не противоречием в классическом смысле. Это следствие признания множества региональных языковых онтологий, которые многократно пересекаются и которые, в соответствии с принципом дополнительности, предполагают множество логических техник анализа, включающих классы пропозициональных, предикативных и именных функций. Два высказывания, согласно квантовой логике, находятся в отношении дополнительности, если и только если соблюдаются четыре требования: они не могут быть одновременно истинными; они не могут быть одновременно ложными; если одно из них истинно или ложно, то другое – неопределенно; если одно из них неопределенно, то другое – истинно или ложно. Напри-

мер, моделирование и конструирование социального мира связано с проблемой статуса конструктивной реальности, а также процедур сопряжения реального и конструктивно-идеального (И. А. Герасимова), которые могут быть разрешены только в условиях дополненности.

Принцип дополненности в его соотношении с принципом неопределенности раскрыл активную коммуникативную роль приборов в создании осмысленного порядка. Физики столкнулись с проблемой определения объектов исследования, выявив «ненаглядный» характер микрообъектов. Подобные проблемы возникают у исследователей из других научных областей: социологии, психологии, риторики, медицины и др. Следствием «ненаглядного» характера объекта стала проблема его описания в корреляции с измерительными приборами или с тем, что их заменяет, допустим, операциональные или структурные дефиниции.

В квантовой методологии, базирующейся на принципах соответствия, наблюдаемости и дополненности, неизбежными становятся вопросы: «Это открыто (найдено) или сделано?», «Это реальное или кажущееся?», «Это абсолютно или относительно?». Ответы оказываются зависимыми от используемого наблюдателем языка и от допустимых соотношением неопределенностей величин. Поэтому один и тот же референт характеризуется разными наблюдателями, например, как странный, непривычный или абсурдный; как реально существующий или вымысел; как мировоззренческая установка или бред. Аналогичные вопросы решаются в кросскультурной методологии. Сама исследовательская работа, ее результаты и их оценка оказываются зависимыми переменными – зависимыми от особенностей когнитивных процессов.

Таким образом, квантовая методология окончательно сформировала требование разграничения общепринятой реальности и реальности, порождаемой личностью, с одной стороны. С другой – в квантовой методологии был сформулирован постулат о необходимости фиксирования различия, которое является таким отличительным признаком, который позволяет увидеть разницу между двумя объектами. Квантовая логика, преодолевшая двузначный формализм классической логики, поставила вопрос о степени различия между когнитивной моделью мира и реальным миром. Вопрос о степени их различия – это вопрос кросскультурных измерений и фрактальной логики.

7. Когнитивные аспекты кросскультурной методологии и фрактальная логика. Кросскультурная методология как исследовательский подход предполагает педантичное сопоставление сходств и различий в контексте двух систем: «Я – Другие» и системы преобразования информации. Почему в научном исследовании и в повседневном общении возникают «шумы» – факторы, затрудняющие восприятие информации или

искажающие ее смысл? Почему в одной ситуации шутка является милой и смешной, а в другой – оскорбительной? Почему «черный юмор» и «черная риторика» недопустимы на Востоке, но возможны на Западе? Почему западное правосудие исходит больше из прав преступника, а восточное – из прав потерпевшего? Все эти и многие другие вопросы можно объединить в один фундаментальный вопрос: «Почему культуру следует рассматривать не только как сущность, но и как различие?»

Культура является тем ресурсом, который позволяет объяснить специфику любого социального взаимодействия и поведение человека как его участника. Мысленные представления людей как личностные когнитивные модели всегда будут отличаться от реального мира. Такого рода модели иначе называют «внутренними картами, аналогичными, например, картам городов» (Г. Хакен). Но карта не является территорией мира. Для организации эффективного исследования необходимо осознание степени различия между когнитивной моделью мира и реальным миром. Вопрос о степени их различия есть вопрос фрактальности (фрактальной логики) и кросскультурных измерений.

Отличия личностных когнитивных моделей от реального мира лежат, по меньшей мере, в трех плоскостях: селекция, обобщение и искажение (Д. Гриндер, Р. Бендлер, Г. Хакен и др.). Селекция означает воспроизведение лишь части опыта. Если бы мы попытались «воспроизвести все элементы опыта, то утонули бы в данных» (Д. Гриндер). Напротив, упущение значимого аспекта обесценивает результат. Ф. Ницше, рассуждая по вопросам воспроизведения опыта в языке, утверждал, что истинная природа языка – метонимична и метафорична. Это означает невозможность выразить в языке все, что хотелось бы. В результате всегда что-то останется недосказанным и невыраженным (линия метонимии), а что-то обобщенным и искаженным (линия метафоры).

Основными формами селекции, согласно уточнению К. Леви-Строса, являются «метонимическое изымание» или «метафорическое репродуктивное» из парадигматической совокупности или синтагматических цепочек [19, с. 278]. Впоследствии в рамках логики и кросскультурной риторики было доказано, что рассуждающее мышление протекает по двум осям – логической и паралогической. Основу этих осей составляют две ассоциативные схемы – смежности и подобия, которые могут стать логическими или паралогическими схемами. Смежность означает обнаружение предмета, который постоянно находится в одной и той же системе (зависим от нее), например, «быть частью тела», «принадлежать к коллективу» и пр. Подобие основано на наличии общих признаков (сходства) у ряда предметов, например, «быть зеленым», «быть полезным» и пр. Очевидно, что разные культуры, при сходстве формальных структур рассужде-

ний, подчиняющихся логике целого (метонимия) и логике общего (метафора), отличаются содержанием ассоциативных осей.

Обобщение – как способ когнитивного моделирования реального мира – предполагает формализацию множества частных случаев по принципу перехода к большему объему с меньшим содержанием. Обобщения позволяют продуктивно переходить от контекста к контексту. Исчезает необходимость вновь осваивать ранее заученные коды (процессы, действия, понятия, процедуры формирования высказываний и пр.). На базе известных кодов легче осваивать иные системы кодирования, осуществлять перекодировки.

Основу кодирования составляют парадигматическая совокупность и синтагматические цепочки. Причина различий в кодировании не является лингвистической, а обусловлена теми способами, какими каждая культура структурирует реальность. Пределы структурирования могут изменяться, в зависимости от решаемых проблем, например, в рамках социальной группы. Консерватизм, препятствующий изменениям или сдерживающий их, сохраняет тождество дискурса. Замкнутость культуры естественным образом поддерживает тождество ее традиций. Например, цыганская культура отличается корпоративностью, поэтому от ее представителей очень трудно получить необходимую информацию человеку извне.

Искажение – третий способ когнитивного моделирования мира – предполагает реконструкцию информации, не исключая изменений. Этот аспект связан с вопросами ликвидации лакун личного тезауруса и национального языка. Ключевым является вопрос, за счет каких резервов будут восполнены пробелы словаря. Согласно примеру Х. Боаса, ставшему хрестоматийным, содержание высказывания «Злобный мужчина убил бедного ребенка» в некоторых культурах может быть выражено с помощью метонимической схемы «Злоба мужчины убила бедность ребенка» [19].

Искажение означает также наличие темпоральных линий в организации личностной аргументации: присутствие прошлого, наличие настоящего и прогнозирование будущего (депрессивные, импульсивные и тревожные линии в аргументации). Именно способ репрезентации (внутренней организации) времени составляет основу моделирования и детерминирует его ограничительные возможности. Чрезмерная верность прошлому может заставить человека или социальную группу воспринимать его как вневременную модель, а не как этап становления. Или, напротив, человек может пренебрегать прошлым и настоящим и думать только о будущем. Подобное существование во времени интегрирует тревогу.

Обусловленность искажения, а также селекции и обобщения, особенностями организации и содержания культуры составляет кросскультурные аспекты когнитивного моделирования. «Привязанность» к культуре озна-

чает наличие связей между культурной основой и способами поведения. Например, специфика культурного баланса общения и уединения определяется частотой и интенсивностью взаимоотношений, имевших место в процессе формирования личности.

Культурный баланс нормы и отклонения, предлагаемый сообществом, затрагивает две системы: «Я – Другие» и систему переработки информации, т. е. способы когнитивного моделирования. Например, нервную анорексию в нашей стране интерпретируют как связанную с культурой переменную, т. е. объясняют причину заболевания, связанного с непреодолимым желанием похудеть, эстетическими требованиями со стороны социума, в который включены подрастающие девочки. В то же время существуют симптомы, не привязанные к культуре. Например, погруженность в себя и отстраненность от желаний, идентифицируемая в западной диагностической логике как заболевание (депрессия), является встроенной в идеологию буддизма и составляет часть пути к нирване [31, с. 18].

М. Коул, анализируя возможности кросскультурного подхода, отметил две его слабые позиции: 1) любое кросскультурное исследование методологически проблематично вследствие размытости его исходных данных; 2) результатом неясного смысла данных является слабость теоретических выводов. Решение обеих проблем – усиление четкости теоретических конструкций самой методологии и уточнение исходных посылок – связано с вопросами когнитивного моделирования.

Кросскультурное исследование как когнитивное моделирование представляет собой наложение на мир некоторой структуры языка, которое всегда расходится с подлинной структурой мира и поведением людей. Когнитивное моделирование всегда ограничено несколькими переменными, не допускающими произвол, но и не придающими этому процессу детерминистский характер. Это подтверждает фрактальный, или воспроизводящий, характер когнитивной модели.

Когнитивная модель как реконструкция фрагмента мира упрощает действительность, в чем-то обобщая ее, в чем-то ограничивая, в чем-то искажая. Фрактальные проекции возможны благодаря наличию логических структур в естественном языке. Если обыденное рассуждение – это «гремучая смесь логики высказываний, логики предикатов с кванторами и модальной логики», то научное рассуждение построено в соответствии с правилами логики высказываний, логики предикатов и модальной логики.

Как стратегия кросскультурного исследования когнитивная модель представляет собой функциональную структуру, включающую свой набор констант и переменных, которые определяют интерпретации. Функциональная связь не является единственной формой выражения закономерностей. Но без структуры функциональных мест невозможно фрактальное воспроизведение порядка.

Воспроизводимый порядок включает как случайные, так и причинно-следственные связи. Случайность и причинность порождают два разных языка для описания мира, две разные грамматики для упорядочивания и осмысливания наших наблюдений [23]. Принцип дополнительности Бора не позволяет их разъединить. Способ описания становится языком исследования в том случае, если выполняется ряд эпистемологических условий: 1) обеспечение формализации; 2) отсутствие жесткой связи с референтами; 3) способность к образованию подязыков. Предельным случаем формализации является аксиоматика Д. Гильберта [8]. Целью аксиоматического построения является вывод из допущений или из гипотез.

По аналогии с предложенным Д. Гильбертом способом логической формализации возможно, элиминировав все случайное, построить фрактальную модель, воспроизводящую необходимый режим поведения объекта исследования. Это особенно важно в условиях многомерных наблюдений. Модели оцениваются как удобные или неудобные с исключением оценок правильные/неправильные.

Начала фрактальной логики разработал Ф. У. Ловер. Исходя из принципа фрактального гомоморфизма (всеобщего подобия) он (после работ С. Мак-Лэйна и С. Эйленберга) построил аксиоматику категорий без множеств. В результате была разработана теоретико-категорная модель становления с сопряженными парами: «функтор – хаос» и «функтор – порядок» [15, с. 7–60]. Это исчисление – «классы без элементов» – аналогично логике без переменных А. Черча. Ф. У. Ловер впервые после интуиционистской доктрины Э. Я. Брауэра вышел за рамки классической логики в сферу фрактальных размерностей, где происходят взаимопревращения хаоса и порядка. Фрактальная логика является аксиоматической теорией, ключевыми в которой являются термины «категория», означающий объекты, и «топос», означающий местоположение или ситуацию. Согласно фрактальной логике «мир» наполнен не элементами, по некоторым свойствам которых образуются множества этих элементов, а категориями с образующими их свойствами, которые, конечно, могут быть различными» [15, с. 29].

Детерминированный, или динамический, хаос – это поведение нелинейной детерминированной системы, случайность которого порождается динамикой самой системы, а именно, ее свойством экспоненциально быстро разводить сколь угодно близкие траектории. В нелинейных системах траектория на фазовой плоскости не замкнется за сколь угодно большое время. Множество траекторий, которые характеризуют установившийся процесс, составляют образ хаоса в фазовом пространстве, или аттрактор. Структура аттрактора, или образ динамического хаоса, – это и есть фрактал.

Определение структуры аттрактора, или фрактала, связано с выбором из множества признаков тех существенных характеристик, которые позволяют реконструировать некоторое свойство или качество предмета. Например, логика эмпирического социального исследования выделяет некоторый объект из ряда сходных с ним объектов по определенному признаку – отбор по зависимой переменной. При этом вариация значений зависимой переменной (допустим, экономический рост или политическая стабильность) должна быть причинно связана с вариацией некоторых других независимых переменных. Результаты, обоснованные с помощью правил элиминативной индукции Дж. Милля, статистических методов или средств булевой алгебры, также представляют собой образ динамического хаоса, или фрактал, выражающий некоторую закономерность.

Фрактальное воспроизведение некоторого режима поведения или события, согласно концепциям И. Пригожина, У. Матураны и др., может быть идентифицировано как конечное множество траекторий, которые характеризуют установившийся процесс и составляют образ динамического хаоса в фазовом пространстве, или аттрактор. Структурное существование объектов объясняется их самоорганизацией, что во фрактальной логике интерпретируется как самоподобие (тождественность). Например, для идентификации хаоса в душе человека хасидизм вводит представления о порядке (паттерне) этой идентификации. Хаос является следствием культа сверхценности собственной личности, сопровождаемый потребностью в восхищении и недостатком сопереживания. Осязаемыми формами этого хаоса, в том числе и деформирующими реальность, являются высокомерие как ощущение собственной важности; эгоцентризм как исток соперничества; гордыня как гипертрофированная оценка и пр.

Таким образом, фрактальная логика представляет собой аксиоматическую систему «дробных» категорий, применяемых в рассуждениях о топологических объектах с бесконечным количеством значений. При этом размерность объекта зависит от наблюдателя или от связи объекта с внешним миром, что означает признание топологической энтропии, дополняющей свой статистический прототип, которому «никогда не принадлежит последнее слово» (М. Планк). Степень различия (отклонения) между топологическими структурами не должна превышать некоторой установленной нормы. Например, любая этическая аберрация – это отклонение от общепринятого в условиях данной коммуникации стандарта. Объяснение причин этой аберрации требует формулирование допущений или построение гипотез, что и составляет предмет кросскультурного исследования.

В контексте фрактальной логики коммуникация рассматривается как контакт когнитивных моделей мира (социальных фракталов), или аттракторов. Модели мира, например, диалог или научный текст, есть социаль-

ные фракталы. Текст по социально-гуманитарной проблематике является фрактальной средой, в которой формируются аттракции по принципу гомеостаза. Граница объекта как предмета рассуждения, как фрактального объекта становится зависимой переменной: каждый раз ее приходится переопределять и описывать заново. Для этого в тексте используются специальные операторы, которые позволяют зафиксировать место предмета рассуждения в структуре функциональных мест, образующих некоторую систему. В соответствии с логикой общего или логикой целого поддерживаются внутренние отношения между предметными и смысловыми значениями, включая случайные и каузальные связи между ними. Например, с помощью операторов «в данном случае», «частный случай», «в крайнем случае» и прочее необязательно выделяется нечто специфически случайное.

В тексте как фрактальной среде всегда присутствуют идеи, не выраженные в доводах-посылках, подтверждающих точку зрения. Постоянные комбинации с существующими представлениями, убеждениями и знаниями осуществляются в соответствии с имеющимися аргументационными схемами. Например, схема индуктивного рассуждения – описательного и объяснительного (абдуктивного) – предполагает построение гипотезы исходя из ряда высказываний или чувственных наблюдений. Гипотеза «позволяет лучше описать или понять информацию, содержащуюся в посылках относительно основных фоновых знаний» (М. Аньес ван Реес). При этом формулируется наиболее простая гипотеза, согласующаяся с имеющейся информацией, и практически не учитывается неочевидная информация, с которой бы согласовывалась гипотеза, и не рассматриваются контрдоводы. Отсутствие учета неочевидной информации и противоречащих доводов – это кросскультурные проекции конкретной когнитивной схемы, которые можно иллюстрировать, в частности, табуированием в некоторых этносах поливариантного прогнозирования. Не поощряются или запрещаются антиципации отрицательного исхода или критика, что формирует прогностическую несостоятельность и готовность к экспектации эмоционально положительных событий. Отсутствие прогноза оказывается негативным фактором для исследования и разрушительным для научной коммуникации.

Любая эмоциональная модальность коммуникации является следствием осознания несоответствия значимой для личности потребности собственным представлениям о ее уместности, а также ожиданиям окружающих. Логические структуры эмоциональных модальностей – «должное», «требуемое», «ожидаемое», «одобряемое» и др. – являются маркерами качества и интенсивности мотивов и потребностей. Осознание несоответствия осуществляется посредством набора когнитивных схем, или фрей-

мов (сети понятий). Меняя когнитивную схему, мы меняем образ мира, способы пребывания в этом мире и оценки пребывания. Следовательно, любая деятельность, не поддержанная когнитивной схемой, т. е. фрактально невозпроизводимая, оказывается неуспешной или невозможной. Вопрос лишь в том, что фрактально воспроизводится в рассуждениях: групповое осознание идентичности или «нарциссизм малых различий» (З. Фрейд).

Основу фрактально воспроизводимых когнитивных схем составляет культура. Поэтому повседневные рассуждения, оценки, поведение индивида обусловлены культурой. С помощью когнитивных схем человек решает, что является должным, требуемым, ожидаемым, одобряемым и др. Например, оправдана ли грубость учителя по отношению к своим ученикам, если любая аудитория «покупается» любовью (ожидания аудитории). Реализация данных ожиданий аудитории одобряема со стороны различных социальных групп (учеников, их родителей и др.).

Культурная специфика когнитивного моделирования определяет ценностную значимость того или иного события для личности. И, напротив, событие, не являющееся значимой частью культурной системы, становится для нее тривиальным. В разных культурах и культурных образованиях ценятся разные свойства и характеристики объектов, поэтому в коммуникации когнитивные схемы должного, требуемого, ожидаемого, одобряемого и другие не совпадают. Например, оратор в одной риторической культуре должен стремиться к монологам, в другой – к диалогам, соответственные ожидания сформированы у аудитории. Представители разных культур по-разному переживают время: от пунктуальности и уважения ко времени других людей к восприятию времени как тривиальности. К снам в одних культурах относятся как к способу выявления личного и социального дистресса и конфликтов, в других – нейтрально.

Культурные различия, являясь неотъемлемой частью когнитивной схемы, детерминируют различия в состоянии сознания и речевого поведения индивидов. Различия содержат культурно-логические, культурно-педагогические, культурно-психологические, культурно-бытовые и иные переменные, которые находятся в отношении корреляции между собой и содержат свои подуровни переменных. Например, многие православные священники проводят различие между истинным христианином и представителем субкультуры типа «эмо» или «готы» по их отношениям к страстям: христианин ищет и преодолевает в собственной душе страсти, представители субкультур их культивируют.

Культуру следует рассматривать не только как сущность, но и как различие по той причине, что для того, чтобы обнаружить сущность, необходимо для этой сущности определить границы. Ж.-Ж. Руссо, считающийся основоположником кросскультурной методологии, писал в «Опы-

те о происхождении языков»: «Чтобы обнаружить свойство, надо сначала наблюдать различия». В своих рассуждениях он придерживался двух принципов, дополняющих друг друга: «принципа отождествления себя с другим, и даже наиболее далеким “другим”, включая и представителей животного мира, и принципа отказа от отождествления со своим “я”, т. е. отказа от всего того, что может это “я” сделать “достойным”» [19, с. 24].

Культурно зависимой переменной, демонстрирующей различие, является такой феномен, как сон. По мнению Д. Мацумото, сон является культурно-специфическим феноменом, интерпретируемым в некоторых социумах как символ индивидуальной или социальной тревоги, следовательно, подлежащий обязательному толкованию. Например, для подтверждения разграничения явного (манифестного) и скрытого (латентного) содержания сна ученые сравнили сны палестинских и финских детей. Выяснилось, что палестинские дети склонны к явному, осознаваемому содержанию и переживают внешние сцены тревоги, финские дети склонны к опосредованному представлению в содержании снов эпизодов внутренней тревоги [21, с. 276].

Таким образом, когнитивные аспекты кросскультурной методологии находятся в корреляции с типами культурных отличий. Базисные способы моделирования мира – селекция, обобщение и искажение – определяют кросскультурный и фрактальный характер когнитивной модели познания и коммуникации. Это означает, что процесс самоорганизации в коммуникации имеет конкретные когнитивные схемы для организации аттракции, которые следует изучать как фрактальные и кросскультурные проекции.

8. Логико-методологическая культура кроссового исследователя. Социально-гуманитарное знание отличается субъективизмом. Методология кросскультурного исследования не является исключением. Именно кросскультурная методология обостряет вопросы присутствия в дискурсе многочисленных культурных факторов, которые обуславливают способы распознавания и объяснения в социально-гуманитарном познании. Социально-гуманитарное знание невозможно без решения вопроса о степени различия между индивидуальным и общественным, между личным и коллективным, между приватным и государственным, между национальным и общечеловеческим, между банальным и новаторским и пр. Поэтому кросскультурное исследование – это прежде всего логико-методологическая культура мышления и рассуждения.

Логико-методологическая культура должна включать, на наш взгляд, три основных умения. Первым является умение анализировать типы содержания знания, связанное с разграничением онтологических, гносеологических и эпистемологических аспектов. Данное разграничение невозможно без категориальной поддержки. Категории «отношение», «тождество»,

«различие», «признаки», «взаимодействие», «причинно-следственная связь», «корреляционная связь» и другие обеспечивают нормативность и последовательность гуманитарного мышления. В противном случае, отдельные авторы сравнивают, по их мнению, совместимые вещи, которые не находятся даже в отношении логического сцепления, а противоречивыми называют сюжеты, не подтвердив их сравнимость. Такого рода «сбой» случается при сравнении онтологических и эпистемологических феноменов.

Вторая составная часть логико-методологической культуры исследователя связана с умением формализации и моделирования в научном познании. Определение и обоснование условий формализации обеспечивает конструктивный подход в исследовании и позволяет строить объяснительные модели, лишённые тривиальности. Формализация – это реконструкция предмета исследования с помощью специальных метаязыковых средств, включающих синтактику, семантику и прагматику. Например, при сравнении двух философских концепций или при сопоставлении учебной работы гимназий возникает один и тот же вопрос: с помощью каких кросскультурных постоянных и переменных можно понять и осмыслить эти процессы? Наличие постоянных подтверждает универсализм исследовательской схемы, поиск переменных в её рамках определяет цель исследования и формирует образ результата.

Отбор кросскультурных переменных в каждом отдельном случае влияет на характер гипотезы. Главное в отборе – это установление причин или корреляций, которые определяют нетривиальный характер гипотезы. Если в качестве причин сравнения двух философских концепций указывают на авторитет их авторов или популярность среди читателей, то, очевидно, – эти признаки являются тривиальными, что подтверждается отсутствием культурно-специфических признаков. Если причиной успешности работы гимназий назвать наличие кислорода, очевидно, данные необходимые условия будут тривиальными, так как без них невозможны и бурный экономический рост, и расцвет демократии, и многое другое.

Впервые формализацию человеческого поведения в кросскультурном аспекте предприняли бихевиористы. Именно в рамках бихевиористской методологической парадигмы культура стала контекстом поведенческих механизмов и обрела статус независимой переменной. Основной формулой бихевиоризма является импликация «если есть стимул, то есть реакция». Разные способы реагирования (реакции) являются следствием того, что люди принадлежат разным культурам (национальным, образовательным, политическим, юридическим и пр.). Различия в культурах детерминируют разные способы реагирования. Поэтому целью формализации предмета кросскультурного исследования является причинное связывание зависимой

переменной с независимыми переменными, для которых причина не установлена, или установление корреляции между ними. Например, кросскультурный менеджмент как управленческая коммуникация в условиях культурного многообразия нуждается в формализации, позволяющей четко определить и обосновать культурные факторы, составляющие управленческие и организационные ресурсы. Именно при таком подходе кросскультурный менеджмент, по Н. Холдену, становится управляющим культурными различиями.

Третьей составной частью логико-методологической культуры является умение концептуализации единиц эмпирического наблюдения или теоретического осмысления – постоянных и переменных. Способы концептуализации включают приемы идентификации общих и отличительных признаков, логического и аналитического делений, необходимых и достаточных условий и др. Именно способы концептуализации определяют специфику интерпретаций. Ошибки в интерпретациях являются чаще всего ошибками концептуализации. Идея наличия положительной связи между авторитарной политикой и темпами экономического роста (Южная Корея, Тайвань и др.) не может считаться обоснованной, если нет четких концептуальных сегментов, определяющих предметное и смысловое значение имен «жесткое отношение к рабочим», «рост экономики в условиях нежесткого отношения» и пр.

Кросскультурный процесс в социально-гуманитарном познании – это аналоговый процесс, составляющий непрерывную последовательность, которую трудно или очень трудно разделить на какие-либо очевидные элементы. Этим определяются сложности формализации и концептуализации. Для аналоговых процессов нельзя составить окончательных алгоритмов, как в двузначных формализмах. Поэтому кросскультурное исследование связано с обоснованием, подтверждением или проверкой гипотезы. В первую очередь исследователь должен сформулировать ключевой вопрос, на который он желает получить ответ. Гипотеза и должна стать ответом. Затем формируется стратегия исследования. Стратегия исследования как основной исследовательский подход определяет природу теоретических и эмпирических данных, т. е. ограничения в информации.

Для обеспечения формализации и концептуализации следует придерживаться определенной последовательности в реконструкции научной темы в кросскультурном исследовании. Реконструкция темы в кросскультурном исследовании включает по меньшей мере три этапа. На первом этапе кросскультурного исследования обязательным является уточнение исходного логико-методологического инструментария, участвующего в построении когнитивной модели. Выбор отношения, способов дефиниций, логики общего (логического деления) или логики целого (аналитического

деления) позволяют определить границы дифференциации и интеграции в исследовательском поле. На втором этапе осуществляется промежуточная формализация содержательной области, связанная с определением семантических границ объекта и предмета исследования. Кросскультурное сравнение касается различий, которые должны быть подтверждены сходством. Третий этап предполагает «погружение» формализованного материала в выразительные средства языка содержательной теории. Кросскультурные сравнения сходств и различий социальных феноменов включают интерпретацию социальных явлений как зависимых или независимых переменных, а также порядок установления причинно-следственных связей или корреляций между ними.

Основу кросскультурных сравнений в социально-гуманитарном познании составляют когнитивные процедуры распознавания объектов и ситуаций различной природы. Объяснение специфики когнитивных процедур распознавания связано с выявлением основных тенденций в использовании семиотических средств – знаков-икон, знаков-индексов и знаков-символов, а также логических категорий и порядком построения рассуждений. Диапазон семиотических средств детерминирован степенью подобия между обозначающим, или самим знаком, и обозначаемым, или объектом, который знак замещает. Структура репрезентации объекта, замещаемого знаком, включает денотат (референт) и смысл (референциальное содержание).

Роль семиотических и логических средств в процедурах распознавания иллюстрируем физиологической интерпретацией. У человека покраснело лицо. Покраснение лица – знак-индекс, связанный причинно-следственной зависимостью с тем, что он обозначает. Покраснение лица (зависимая переменная) является следствием расширения капилляров лица (независимая переменная). Независимой она является вследствие того, что не определена ее причина, т. е. не установлен фактор, от которого она зависит. Как только мы эту причину установим и докажем, эта переменная становится зависимой от этого фактора. Допустим, капилляры расширены (зависимая переменная) по причине повышения уровня глюкогона и понижения уровня инсулина в крови (независимая переменная), что вызвано повышением уровня сахара в крови (независимая переменная).

Существует множество нефизиологических интерпретаций покраснения лица, отличающихся, например, географически или исторически. Любая нефизиологическая интерпретация является кросскультурной, но не по логической форме рассуждения, а по содержанию. В некоторых культурах покраснение лица является переменной, зависимой от особенностей психологической структуры личности (ранимости, неуверенности, страха и пр.).

Кросскультурные сравнения в социально-гуманитарном познании требуют четкого определения причинно-следственной или корреляционной структуры исследуемого предмета. Формализованные причинно-следственные или корреляционные структуры, являясь знаковыми реконструкциями некоторой зависимости между переменными, всегда будут иметь погрешности. Главное, чтобы эти погрешности были действительно неустранимыми, в контексте соответствия методологическому принципу неопределенности Гейзенберга. Гарантией такого соответствия является выполнение правил формализации и концептуализации.

Когнитивная модель как совокупность процедур распознавания представляет собой функциональную структуру, включающую свой набор констант и переменных, которые определяют интерпретации самой структуры. Функциональная связь не является единственной формой выражения закономерностей, существуют и иные формы отношений. Но кросскультурный подход невозможен без структурно-функционального метода, позволяющего исследовать объект как структуру функциональных мест. Состояние кросскультурного шока определяется как состояние растерянности или беспомощности, обусловленное неспособностью дать ответы на вопросы: «Где? Когда? Как поступать правильно?» И это, в свою очередь, обусловлено недостатком ценностных ориентиров (П. С. Мясоедов).

При функциональной связи значения признаков-аргументов определяет значение выбранного признака-функции. Признаки-аргументы и признаки-функции связаны, если не любая их комбинация допустима. Чем больше запретных комбинаций, тем сильнее задающая запрет связь. Допустим, конъюнктивная связь при организации информации по длине сильнее имплицативной связи при организации информации по глубине. Любая эмоциональная модальность в коммуникации является функционально зависимой от ряда условий (аргументов). Например, стыд является следствием осознания (функционально зависимой переменной) несоответствия личных стремлений, поступков и внешнего вида собственным представлениям об уместном поведении и внешнем облике, а также ожиданиям окружающих. Осознание несоответствия в ситуации стыда возможно благодаря когнитивным схемам как функциональным структурам со своими постоянными и переменными значениями. Деятельность, не поддержанная когнитивными схемами, оказывается неуспешной или невозможной.

Множества существований и запретов содержат одну и ту же информацию: зная одно, можно определить (реконструировать) другое. Запрет на некоторые комбинации признаков – это утверждение о том, что не существует объектов с этими комбинациями. Данные закономерности вербализированного опыта индивида представимы в логике булевых функций.

Булевы функции свойственны любой когнитивной модели. Они позволяют судить о наличии или отсутствии признаков у объекта, распознавать объекты по определенному набору признаков, по имеющимся признакам реконструировать признаки других объектов и др. Например, силлогистическая теория Аристотеля является первой формальной распознающей системой.

Распознавание как концептуализация и интерпретация в социально-гуманитарном познании, предполагает обязательную «подстройку» под существующее знание в соответствии с концепцией когерентности. Поэтому в методологии кросскультурного исследования должны обязательно учитываться взаимно дополняющие друг друга синтагматика и парадигматика языка, касающиеся, соответственно, взаимодействия знаков в синтагматической цепи и выбора знаков из парадигматической совокупности. Именно синтагматика и парадигматика научного языка обеспечивают когерентность «подстройки». При паралогических сдвигах в распознавании движение осуществляется по линии закона подобия (метафора) или закона контакта (метонимия), что приводит к «эффектам замещения или комбинации означающих» (Ж. Лакан).

Проблема кросскультурной интерпретации и концептуализации в социально-гуманитарном познании связана со способами моделирования мира – селекцией, обобщением и искажением. Селекция означает метонимическую реконструкцию реальности, т. е. всегда остаются лакуны в информации. Главное, не упустить значимый аспект, что может обесценить результат. При составлении распознающей системы атрибутов в социально-гуманитарной модели опасны две крайности: избыточный или недостаточный набор признаков. Избыток признаков опасен тем, что важные показатели могут быть скрыты в массе второстепенных несущественных признаков. В теории информации данное явление именуется информационным шумом. В случае недостаточности признаков оказывается невозможным выявление критериев для распознавания конкретных объектов. Если признаков выбрано достаточно, то в ситуации замены конкретного объекта его описанием он не теряет своей индивидуальности, т. е. остается распознаваемым.

Позитивность селекции в социально-гуманитарной модели заключается в том, что она позволяет сократить картину реальности до контролируемых размеров, которые возможно продуктивно освоить. Результат селекции – это уже обобщение. Обобщение в социально-гуманитарном познании должно стремиться к элиминации несущественных атрибутов, в результате чего создаются структуры функциональных мест, претендующие на статус объяснительных моделей вследствие их универсальности.

Естественными и культурно зависимыми являются такие формы обобщений, как идеологические формулы социальной группы или государства, этноса или нации. Убеждения человека – это не только ценностные структуры сознания, которые могут ограничивать или раскрепощать поведение человека, но и кросскультурные переменные. Гиперболы как паралогические обобщения также культурно специфичны.

Искажение в социально-гуманитарном познании представляет собой ассимиляцию информации в соответствии с набором культурных реакций. Искажение как неконструктивное или неверное высказывание необходимо для сохранения существующей модели реальности, не всегда полезной, вследствие ее противоречивости или неполноты. Этим можно оправдать интерес (а не критику) к неконструктивным или неверным высказываниям собеседника, демонстрирующим отклонение как различие. Эти высказывания как определенным образом организованная система языка воспроизводят внутренний мир человека и социум, в котором формировалась личность. Например, речевые стратегии в коммуникации базируются на определенных репрезентативных и ценностных структурах сознания. Какие имена вызывают несогласие, какие – интерес? Индикатором несогласия выступает отношение несовместимости. Имена, вызывающие интерес, побуждают собеседника к использованию имен, идентичных, субординирующих или пересекающихся по объему.

В совокупности культурных реакций, определяющих искажение информации, можно выделить три подмножества кросскультурных переменных, которые, к примеру, активно «эксплуатирует» когнитивный менеджмент знаний. Во-первых, логические категории, которыми оперирует человек, являются маркерами его мировоззрения. Во-вторых, порядок построения рассуждений демонстрирует аргументационный фонд личности и его культуру. В-третьих, способы репрезентации (внутренней организации) времени – присутствие прошлого, наличие настоящего и прогнозирование будущего (депрессивные, импульсивные и тревожные линии в аргументации) – составляют основу коммуникативных навыков и их ограничений.

Логико-методологическая культура кросскультурного исследователя должна включать представления и об ошибках как об антитезе нормы. Нарушение условий формализации, обеспечивающих конструктивный подход в кросскультурном исследовании, приводит к логическим ошибкам, связанным с неправильной концептуализацией или интерпретацией сходств и различий. Первая группа ошибок обусловлена абсолютизацией сходства, например, между людьми. Ложное допущение не позволяет принять различие между ними. Данная логическая ошибка является следствием наличия базовых биологических и социальных сходств индивидов. В разных

культурах степень подобия людей разная. Это означает, что сходство является переменной величиной.

Вторая группа ошибок обусловлена нейтрализацией языковых различий и отсутствием представлений о немонотонности человеческой логики. Часто исходят из ложной посылки о том, что все семиотические объекты, конструируемые авторами, имеют одинаковые предметное и смысловое значения для адресанта и адресата. Отсюда рождается уверенность – имена, высказывания или рассуждения обозначают именно то, что намерены сообщить адресанты. Тем не менее, именно вследствие немонотонности, один и тот же денотат может иметь различные референциальные соотношения.

Третья группа ошибок обусловлена неверными вербальными и невербальными интерпретациями. Ложные интерпретации приводят к непониманию и конфликтам, затрудняя или отдаляя сотрудничество. Например, для кросскультурного менеджмента обязательны разграничения универсальных и культурно-специфических факторов, учет культурных балансов общения и уединения, публичного остракизма и индивидуальной поучительной беседы, сдержанности и экспрессии, смеха и его отсутствия и пр.

Перечисленные логические ошибки находятся в корреляции с помехами в коммуникации. К примеру, кросскультурный менеджмент преодоление помех в коммуникации отождествляет с управлением культурными различиями. Управление культурными различиями предполагает построение фракталов с учетом двух принципов: во-первых, выбор методов, имеющих не единичные, а множественные точки приложения в системе; во-вторых, использование закономерностей, свойственных самой системе, т. е. использование ее принципов самоуправления. Это помогает избежать насильственных методов воздействия и помогает системе точно реагировать на всевозможные внешние и внутренние изменения.

Логико-методологическая культура кроссового исследователя позволяет критически оценить собственную позицию в исследовании, позиции значимых других и позицию себя как внешнего наблюдателя. Такого рода тривиум как контакт идей и концепций позволит зафиксировать, каким образом объясняемый феномен возникает из различий.

Выводы. Реконструкция логико-методологических оснований кросскультурных исследований позволяет определить основные регулятивные принципы, исполнение которых гарантирует получение достоверных результатов в социально-гуманитарном познании.

Кросскультурное исследование в социально-гуманитарном познании представляет собой конструктивный процесс, для описания которого вполне пригодны аналитические аппараты квантовой, фрактальной и когнитивной логик. Это подтверждается многочисленными кросскультурными исследованиями, в которых они применены.

Сравнение является принципом операционализма в кросскультурном исследовании, обеспечивающим реконструкцию предметных и смысловых значений в пределах шкалы «полная совместимость (тождество) – полная несовместимость (противоречие)». Кросскультурные сравнения должны определить, каким образом особенности организации культуры, содержание культуры или изменения в культуре оказывают влияние на разные стороны человеческого бытия. Результатом кросскультурных сравнений является обоснование устойчивых связей (отношений) в некоторой предметной области, которая содержит переменные, обусловленные культурными факторами.

Истоком кросскультурных исследований является компаративистика. Именно компаративный подход актуализировал логическую процедуру сравнения как кроссированную схему. Кроссированный характер сравнения означает выявление и анализ не сходств, а различий. Культурные различия становятся специальным предметом исследования в кроссовом подходе, обеспечивая построение объяснительных моделей не эволюционистского, а коммуникативного типа.

Дополнение эволюционизма в культуре контактом культур означало переосмысление диапазона тождественного и различного. Тождество и различия, отражаемые в языке, позволяют зафиксировать границы универсального и специфического. Моделирование тождества предполагает его соотнесение с другим как иным. Если другое отсутствует в исследовании, предмет эксплицируется исходя из него самого, поэтому будет вечно переопределяться. Пределы этой дурной бесконечности устанавливаются посредством сходства и отличия от другого как иного. Присутствие иного – это единственный способ соотнесения с реальностью и препятствие социальному аутизму. Если иное не участвует в мыслях, наблюдается контаминация, т. е. распад понятий, при котором они теряют свое предметное и смысловое значение.

Поворот от эволюционистской модели организации исследования к коммуникативной означает ревизию онтологии, гносеологии и эпистемологии. Научное знание – это языковые отображения реальности, которые всегда ограничены. Ограничения имеют онтологический, гносеологический или эпистемологический характер. Если с точки зрения онтологии особенное с помощью языка превращается в общее (универсальное), то с точки зрения гносеологии существуют концептуальные определения и схемы этого превращения, которые изменяются в соответствии с изменениями в онтологии. Эпистемология связана с процессами реактивации представлений (образов), которые зависимы от онтологии и гносеологии.

Квантовая логика, средствами которой формализуется непредсказуемое поведение микрочастицы, оказалась пригодной для формализации

непредсказуемого поведения человека. Ее аналитический аппарат описывает аналоговые процессы, составляющие непрерывную последовательность. Кросскультурные процессы также являются аналоговыми. Они представляют собой непрерывность, в которой сложно выделить очевидные элементы и, тем более, выявить и обосновать какие-либо закономерности между ними. Только сравнение позволяет зафиксировать сходства и различия, которые позволяют непрерывный процесс сделать дискретным. Аналоговый подход не уместен в случаях дискретности. Поэтому квантовая логика включает в качестве предельного случая двузначное пропозициональное исчисление со значениями «истина» (1) и «ложь» (0).

Когнитивные аспекты кросскультурной методологии связаны с проблемой реконструкции познавательных процессов. Познавательные процессы формализуются средствами когнитивной и фрактальной логик. Если когнитивная логика реконструирует эпистемологию, то фрактальная логика – гносеологию.

Логико-методологическая культура должна обеспечить кроссовому исследователю способность отчетливо замечать и аргументированно представлять различия. Истоком калибровки как способности замечать различия являются кроссированные схемы сравнений. Необходимыми условиями реализации кроссированного сравнения являются конструктивное решение проблем онтологии, гносеологии и эпистемологии, а также эффективное выполнение процедур формализации, концептуализации и интерпретации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анкерсмит, Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафор / Ф. Р. Анкерсмит; пер. с англ. М. : Прогресс-Традиция, 2003.
2. Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр; М. : Рудомино, 1995.
3. Бор, Н. Атомная физика и человеческое познание / Н. Бор. М., 1961.
4. Бурдые, П. Социальное пространство и генезис классов / П. Бурдые // Социология политики. М., 1993.
5. Воробьева, С. В. Перельман / С. В. Воробьева // Постмодернизм. Энциклопедия. Минск, 2001. С. 559–565;
6. Воробьева, С. В. Рецепция проблем аргументативной риторики Х. Перельмана в учебных курсах Белорусского государственного университета / С. В. Воробьева, А. А. Легчилин // Беларусь – Бельгия: грамадска-культурнае ўзаемадзеянне: матэрыялы міжнароднага круглага стала. Мінск, 18–19 мая 2001 г. Мінск, 2003. С. 62–68.
7. Гардинер, Г. Культура, контекст и развитие / Г. Гардинер // Психология и культура / под ред. Д. Мацумото. СПб., 2003. С. 174–358.
8. Гильберт, Д. Основания математики / Д. Гильберт, П. Бернайс; пер с нем. М., 1979.
9. Гозман, Л. Идентичность, культурное самосознание / Л. Гозман, А. Эдкинд // 50/50: опыт словаря нового мышления / под общ. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. М., 1989.

10. *Гофман, И.* Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман. М., 2000.
11. *Грин, Б.* Элегантная Вселенная / Б. Грин; пер. с англ. М., 2005.
12. *Гриндер, Дж.* Черепахи до самого низа. НЛП нового поколения. Мастер-класс гениальности / Дж. Гриндер, Дж. Делозье. СПб., 2007.
13. *Делез, Ж.* Что такое философия? / Ж. Делез, Ф. Гваттари. М., 1998.
14. История современной зарубежной философии: компаративистский подход : в 2 т. 3-е изд., расшир. СПб., 1998. Т 1.
15. *Карпенко, А. С.* Логика на рубеже тысячелетий / А. С. Карпенко // Логические исследования. Вып. 7. М., 2000. С. 7–60.
16. *Кессиди, Ф. Х.* Глобализация и культурная идентичность / Ф. Х. Кессиди // Вопросы философии. 2001. № 1.
17. *Кюннг, Г.* Онтология и логический анализ языка / Г. Кюннг. М., 1999.
18. *Левинас, Э.* Избранное: Трудная свобода / Э. Левинас. М., 2004.
19. *Леви-Строс, К.* Первобытное мышление / К. Леви-Строс. М., 1999.
20. *Легчилин, А. А.* Теория аргументации Х. Перельмана как инновационный базис учебных курсов / А. А. Легчилин, С. В. Воробьева // Коммуникация в социально-гуманитарном знании, экономике, образовании: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., 13–14 нояб. 2008 г., Минск / редсовет: А. В. Рубанов (пред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2008. С. 21–23.
21. *Мацумото, Д. С.* Психология и культура / Д. С. Мацумото. СПб., 2003.
22. *Менделевич, В. Д.* Психиатрическая пропедевтика / В. Д. Менделевич. М., 1997.
23. *Налимов, В. В.* Язык вероятностных представлений / В. В. Налимов // Автоматика. 1979. № 1.
24. *Новоселов, М. М.* Категория тождества и ее модели / М. М. Новоселов // Кибернетика и диалектика. М., 1978.
25. *Парсонс, Т.* О структуре социального действия / Т. Парсонс. М., 2000.
26. *Пезешкиан, Н.* Психотерапия повседневной жизни / Н. Пезешкиан. М., 1995.
27. *Поршнева, Б. Ф.* Социальная психология и история / Б. Ф. Поршнева. М., 1966.
28. *Рикер, П.* Универсальность и сила различия. Ричард Керни. Диалоги о Европе / П. Рикер. М., 2002.
29. *Роджерс, К.* Взгляд на психотерапию. Становление человека / К. Роджерс; пер. с англ. М., 1994.
30. *Родос, В. Б.* Теория и практика полемики / В. Б. Родос. Томск, 1989.
31. *Сухарев, А. Ф.* Анализ современных кросскультурных исследований в психиатрии / А. Ф. Сухарев // Журнал прикладной психологии. 1998. № 4.
32. *Сыродеева, А.* Судьба социального субъекта в культуре XX века / А. Сыродеева // Социодинамика культуры. Вып. 2. М., 1991.
33. *Фромм, Э.* Характер и социальный процесс / Э. Фромм // Психология личности. Тексты. М., 1982. С. 48–54.
34. *Хантингтон, С.* Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. М., 2003.
35. *Хесле, В.* Кризис индивидуальной и коллективной идентичности / В. Хесле // Вопросы философии. 1994. № 10.
36. *Холден, Н.* Кросскультурный менеджмент: концепция когнитивного менеджмента / Н. Холден; пер. с англ. М., 2005.
37. *Шнайдерман, Б.* Этнокультуральные аспекты общения / Б. Шнайдерман. М., 1983.

38. Шпенглер, О. О судьбе культуры / О. Шпенглер // Закат Европы. М., 1993. Т. 1.
39. Щербатской, Ф. И. Избранные труды по буддизму / Ф. И. Щербатской. М., 1988.
40. Lévinas, E. Autrement que savoir / E. Lévinas. P. 1988.
41. Lévinas, E. Autrement qu'être ou au-delà de l'essence / E. Lévinas. La Haye, 1974.
42. Lévinas, E. Ethique et Infini. Dialogues avec Ph. Nemo / E. Lévinas. P., 1982.
43. Lévinas, E. Totalité et infini. Essai sur L'Extériorité / E. Lévinas. Kluwer Academic, 1991.
44. Hall, S. The work of representation / S. Hall // Representation: cultural representation a. signifying practices / Open Univ.; ed. by S. Hall. London, 1997. P. 13–74).